

Просто вдвоем

Автор:

Таммара Веббер

Просто вдвоем

Таммара Веббер

Просто любовь #2Сто оттенков любви

Рассудочный и безумный, полный греховных страстей и самых высоких чувств роман Жаклин Уоллес и ее загадочного спасителя Лукаса-Лэндона выдержал труднейшее испытание на прочность. Девушка искала «плохого парня» для кратких утех, а обрела верного друга и надежного защитника. Она уже поведала о том, как нелегко развивались их отношения, чего ей стоило снова поверить в любовь.

Но все ли известно Жаклин о прошлом ее избранника? Так ли он невинен и безобиден? Не оставила ли давно пережитая семейная трагедия темных пятен на его душе?

Теперь история любви рассказывается от имени Лукаса, и в ней откроется много неожиданного.

Таммара Веббер

Просто вдвоем

Посвящается Дж. В. К.

В детстве мне иногда казалось, что ты мой ангел-хранитель. Теперь я повзрослела и знаю точно: так и есть.

Tammara Webber

BREAKABLE

Copyright © 2014 by Tammara Webber

All rights reserved

© М. Николенко, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА

Глава 1

Лэндон

Восемь лет назад

Я вздрогнул и проснулся от крика:

– Медсестра! Скорее сюда! – Надо мной склонилось женское лицо. Это была Синди Хеллер, мамина лучшая подруга. – Лэндон, мой хороший, ты цел. С тобой все в порядке. Ш-ш-ш... Все в порядке.

Я в порядке? Но где я?

Почувствовав прикосновение холодных пальцев к руке, я попытался сфокусировать взгляд. Глаза у Синди были красные и мокрые. Она добела закусил дрожавшую губу. Лицо казалось помятым, как бумага, которую туго скомкали, а потом разгладили.

Рядом я увидел Чарльза, мужа Синди. Он ободряюще приобнял ее, и она тут же обмякла. Наверное, упала бы без его поддержки.

Чарльз положил теплую ладонь мне на руку, а потом сжал мои пальцы.

– Ты в безопасности, сынок, – шепло сказал он, глядя на меня покрасневшими, как у Синди, глазами. – Папа скоро будет. Уже едет.

В ногах моей кровати нарисовалась медсестра с огромным шприцем. Я хотел отпрянуть, но она воткнула иглу не в меня, а в мешок, висевший на металлической стойке. От него тянулся прозрачный шнур, другой конец которого был подсоединен ко мне – я это почувствовал, как только в вену начало поступать впрыснутое медсестрой вещество. В меня будто выстрелили транквилизатором.

Выстрел.

Мама.

– Мама! – пробормотал я. Язык не слушался, а глаза норовили закрыться. – Мама! Мама!

Синди еще сильнее прикусила губу, но все-таки не смогла не расплакаться. Слезы хлынули у нее из глаз и потекли по щекам. Я перестал чувствовать ее прикосновение. Она уткнулась лбом в грудь мужа и закрыла ладонью рот, безуспешно пытаясь подавить всхлипывания.

Пальцы Чарльза на моей руке ощущались все слабее и слабее, в глазах поплыл туман.

– Лэндон, тебе нужно поспать. Папа постарается приехать как можно скорее, а я пока побуду здесь. Я никуда не уйду.

Расплывающееся лицо человека, произнесшего эти слова, стало совсем неразличимым, и мои веки сомкнулись. Во сне я продолжал кричать: «Мама! Мама! Мамочка...» – хотя и знал, что она меня уже не услышит, даже если я буду выть громче реактивного двигателя.

Лукас

Если на курс записалось сто восемьдесят девять человек, то редко случается, чтобы уже в первый день занятий кто-то выделился из массы. И все-таки это бывает. Когда студент сразу выпадает из стаи, виной тому обычно какая-нибудь скверная привычка: например, он задает глупые вопросы или разговаривает на лекции (и ему наплевать на предостерегающие взгляды профессора), слишком пахуч или громко храпит. Или, что меня особенно бесит, ведет себя как наглый мажор.

Я не удивился, когда в первую же неделю осеннего семестра увидел в аудитории именно такого парня. У себя в школе этот тип наверняка был божком, которого со всех сторон ублажали, и здесь, в колледже, он тоже ждет всеобщего обожания – и не напрасно. Уже вступил в какое-то студенческое общество. Одевается с нарочитой небрежностью, но дорого. Салонная стрижка, самодовольная улыбка, идеальные зубы. При нем симпатичная девушка. Выбрал типично мажорские основные дисциплины: экономику, политологию, финансы.

Я сразу почувствовал к нему неприязнь. Наверное, неправильно судить о людях по внешности, но сомневаюсь, чтобы мое мнение много для него значило. На лекции он был внимателен, задавал умные вопросы, и я подумал, что ему вряд ли понадобятся дополнительные семинары, которые я проводил по курсу доктора Хеллера. Правда, большую часть группы иногда образуют именно сильные студенты, и у меня имелись все шансы увидеть этого парня на своих занятиях.

За год до этого я только начал работать ассистентом преподавателя и потому слушал лекции доктора Хеллера очень внимательно. В свое время я сдал его предмет на отлично, но с тех пор прошло время, а экономика не стоит на месте. Мне не хотелось, чтобы на семинарах студенты ставили меня в тупик. Теперь я вел дополнительные занятия уже третий семестр подряд, а лекции посещал по четвертому кругу. Я уже не видел необходимости торчать в аудитории вместе со всем курсом, но это входило в мои обязанности. Потерять легкий заработок я не хотел.

Итак, я сидел в последнем ряду и там, чтобы не задремать и не сверзиться со стула, выполнял задания по основной специальности да набрасывал идеи проектов. За ходом лекции я следил краем уха (лишь бы знать, о чем говорить на семинаре), а на свою бессмысленную антипатию к снобу-второкурснику старался не обращать ни малейшего внимания. Он сидел в середине второго ряда. Его девушка всегда была под боком, как неизменный аксессуар. К концу второй недели я заметил, что все чаще и чаще поглядываю на нее.

Еще в раннем детстве моим излюбленным способом отвлечься или даже убежать от проблем стало рисование. Моя мама была художницей. Не знаю, считала ли она, что у меня есть способности, но ей нравилось мое увлечение, и я, благодаря ее поддержке, много практиковался. К пяти-шести годам я привык выражать свое отношение к миру при помощи карандаша и бумаги. Это стало своеобразной формой медитации.

Поступив в колледж, я принялся рисовать главным образом здания и детали машин, что было отчасти объяснимо, поскольку я учился на инженера-механика. Но даже в свободное от занятий время я почти не изображал людей. Мне не хотелось.

До тех пор, пока я не встретил ее.

Входя в аудиторию, они с тем парнем иногда держались за руки. При этом он выглядел так, будто сжимал поводок, а не пальцы любимой девушки. Перед началом занятия он разговаривал с такими же мажорами или теми, кто мечтал попасть в избранный круг. Болтал о футболе, политике, музыке, о церемонии приема в «братья» и о предстоящих вечеринках. Студентки искоса на него поглядывали, а он делал вид, будто игнорировал их.

Пока этот сноб занимался всем подряд, кроме своей девушки, я начал замечать, что, наоборот, не видел вокруг себя никого, кроме нее. Она, конечно, показалась мне очень симпатичной, но в университете, где учатся тридцать тысяч человек, много красавиц. Если бы не моя неприязнь к тому парню, я мог бы не обратить на нее внимания.

Поняв, что она мне нравится, я стал бороться с этим чувством, но тщетно. Во всей аудитории меня интересовала только она. Особенно завораживали ее руки – точнее, пальцы.

На лекциях она рассеянно улыбалась, изредка тихо разговаривала со своим мажором или с другими студентами. Не то чтобы она казалась несчастной, но взгляд ее иногда становился отсутствующим, как будто мысли блуждали где-то далеко. В такие минуты ее пальцы беззвучно наигрывали что-то на воображаемом инструменте.

Сначала я принял эту привычку за проявление нервозности. Например, дочка Хеллера Карли отродясь не сидела спокойно и вечно барабанила ногтями по столу или подошвой по полу, вихляла коленками и без умолку болтала. Она успокаивалась, только когда гладила моего кота Фрэнсиса.

Но эта девушка, в отличие от Карли, перебирала пальцами невозмутимо, методично, размеренно. Со своего места в последнем ряду слева я мог изучать ее профиль. Наблюдая за тем, как она почти незаметно поднимала и опускала подбородок, я понял, что означали движущиеся пальцы и отсутствующий взгляд: в такие моменты девушка слышала музыку. И наигрывала ее.

Мне показалось, что я в жизни не видел такого чуда.

* * *

Вместе с другими материалами для семинаров Хеллер дал мне схему рассадки студентов в аудитории. Усевшись дома на диван, я принялся ее изучать. Мажора, судя по его каракулям, звали Кеннеди. Как только я увидел аккуратные буквы в соседней клетке, у меня вырвалось: «Ни фига себе!» Там было написано «Джеки»[1 - Джеки – широко известное прозвище Жаклин Кеннеди, первой леди США с 1962 по 1963 г.].

Джеки и Кеннеди?

Не мог же он встречаться с ней из-за имени?! Было бы уж слишком тупо!

Я вспомнил, как в конце одного из занятий этот Кеннеди протянул девушке свою домашнюю работу и сказал: «Передашь, детка? Спасибо». Сверкнув фирменной улыбкой, он вернулся к разговору о границах издевательств, допустимых в ходе «прописки» младших членов «братства». Джеки закатила глаза, взяла у него листок и стала спускаться по проходу.

Нет, вполне возможно, что он встречается с ней как раз из-за имени.

Я прикоснулся к надписи, которую она оставила в своей клеточке. Каждая буква была по-женски округлой. Даже у «i» были наклон и хвостик. Хотя точка оставалась точкой. Она не превратилась ни в разомкнутое кольцо, ни в сердечко. И когда парень назвал Джеки «деткой», она закатила глаза. Может, он не совсем безнадежно запудрил ей мозг?

Черт, и о чем я только думал! Девушка училась на курсе, где я преподавал. Мне полагалось считать ее запретным плодом как минимум до конца семестра, а это с ума сойти как долго, ведь началась только вторая неделя занятий.

Да я и не смог бы к ней прикоснуться, даже будь она доступна... но она была недоступна.

Мне захотелось узнать, как долго они встречаются. В списке оба значились как второкурсники. Выходит, что в худшем случае их отношения длились уже год.

Я сделал то, что делают в таких случаях все любопытствующие: поискал Джеки в Сети и нашел закрытый профиль. Черт!

Ну а его страничка была открыта – читайте на здоровье.

Кеннеди Мур. Встречается с Джеки Уоллес. Как долго – не сказано, зато есть фотографии, причем не только прошлогодние, но и более ранние. Открывая их одну за другой, я все сильнее бесился без всякой на то причины.

Лето перед поступлением в колледж. Школьный выпускной. Лыжная прогулка на весенних каникулах. Вечеринка-сюрприз по случаю восемнадцатилетия Джеки. Групповая фотография оркестра, в котором было больше народу, чем во всей моей школе. Крупный снимок Джеки в оркестровой униформе и колпаке Санта-Клауса, но без инструмента, так что не поймешь, на чем она играет.

День благодарения дома. Он и она веселятся с друзьями на школьном футбольном поле: дело, судя по всему, происходило в престижном пригороде. Прошлогодние летние каникулы. Бал первокурсников. Еще одно Рождество.

Их самый старый совместный снимок был сделан на осеннем карнавале почти три года назад.

Они встречаются три года. Три года! У меня это в голове не укладывалось.

Вой под дверь известил меня о том, что Фрэнсис вернулся домой после приключений, которыми занимал себя в перерыве между ужином и сном. Как и полагалось воспитанному двуногому соседу по жилью, я отложил ноутбук и пошел встречать кота. Как только я отворил дверь, он сел на коврик за порогом и начал лизать лапу.

– Ну и долго мне еще мерзнуть? – спросил я.

Фрэнсис встал, как будто бы пожав плечами, и лениво потянулся, но пулей рванул в комнату, стоило мне сделать вид, что я собираюсь захлопнуть дверь у него перед носом. Не успел я ее запереть, как меня позвали: «Лукас!» Пришлось открыть снова.

Карли уже поднялась до середины деревянной лестницы, которая вела к моему жилищу, располагавшемуся над гаражом Хеллеров. Было уже поздно. С прошлой весны она ко мне неровно дышала, и это создавало постоянную неловкость. Я притворялся, будто не замечаю ее долгих взглядов и непрерывного хихиканья. Надеялся, что скоро все пройдет. Как бы не так! Я знал Карли с самого ее рождения. К ней и к сыновьям Хеллеров я относился как к сестре и братьям или кузенам – отчасти поскольку ни тех ни других у меня не было. К тому же она была младше меня на пять лет, совсем ребенок. Меньше всего мне хотелось ее обидеть.

Я вышел на порог:

– Привет, Карли. Разве тебе еще не пора спать?

Она наморщила носик и сердито нахмурилась:

– Хм! Вообще-то, мне шестнадцать лет, а не шесть.

Когда Карли добралась до верхней ступеньки и шагнула на маленькую площадку, куда полукругом падал свет, я заметил, что пришла она не с пустыми руками.

– Я испекла печенье. Подумала, вдруг ты захочешь.

– Здорово, спасибо.

Я взял тарелку, но с места не двинулся.

Она переступила с ноги на ногу и, спрятав руки в карманы шорт, спросила:

– Лукас?

– Да? – откликнулся я, а про себя подумал: «Вот дерьмо!»

– А ты не собираешься... начать с кем-нибудь встречаться? Или, может быть, у тебя уже есть девушка, но ты ее сюда не приводишь, или что-то скрываешь?

Я сглотнул, чтобы не рассмеяться.

– Ты имеешь в виду ориентацию? Отвечаю: нет. Будь я геем, я бы давно вам сказал.

Как ни странно, вопрос оказался проще, чем тот, которого я боялся.

– Я так и думала. То есть я хотела сказать, что ты немного не похож на других.

Я повел бровью:

– Ты имеешь в виду лабрет? На губе?

Она кивнула.

– И татушки. – Опомнившись, Карли посмотрела на меня расширенными глазами. – Ой, нет, я просто хотела сказать, что у тебя была своя причина их сделать. Особенно некоторые... – Она закрыла глаза. – Боже, я такая глупая! Извини...

– Все нормально, Карли, не беспокойся. – Удерживаясь, чтобы не посмотреть на татуировки у себя на запястьях, я прикусил металлическое колечко, вдетое в нижнюю губу. – Спасибо за печенье.

Она шумно выдохнула:

– Пожалуйста. Спокойной ночи, Лукас.

Поскольку разговора о девушке удалось избежать, я тоже издал вздох облегчения.

– Спокойной ночи.

Из всех Хеллеров только Карли называла меня Лукасом. Поступив в колледж и уехав из дома три года назад, я захотел поменять в своей жизни абсолютно все. В качестве второго имени мама дала мне свою девичью фамилию – Лукас. Многие люди пользуются вторыми именами, и, что облегчает дело, для этого не нужно никаких бумажных процедур.

Отец отказался звать меня Лукасом, но это меня не особенно смутило: ведь я у него больше не жил, а когда приезжал на каникулы, он почти все время молчал. Родители и оба брата Карли то и дело называли меня по-старому. Не нарочно. Просто больше восемнадцати лет я был для них Лэндоном. Обычно я их не поправлял. Дело ясное: привычка и все такое...

Ну а всем новым людям я представлялся как Лукас. Мне хотелось, чтобы Лэндон исчез навсегда. Перестал существовать.

Я бы должен был догадаться, что все окажется не так просто.

Глава 2

Лэндон

После детского сада меня отдали в маленькую частную школу под Вашингтоном. Все дети там носили форму: девочки – белые блузки с перламутровыми пуговицами, клетчатые юбки в складку и кофты, а пацаны – накрахмаленные оксфордские рубашки, брюки со стрелками и блейзеры. Наши любимые учителя сквозь пальцы смотрели на неуставные шарфики и цветные шнурки, а также на отсутствие кофт и блейзеров, но те, кто построже, отбирали контрабандные предметы и только закатывали глаза, если мы говорили, что плетеные браслеты и блестящие заколки выражают нашу индивидуальность.

Виктора Эванса отстранили от занятий после того, как он отказался снять с себя кожаный собачий ошейник: мол, первая поправка к Конституции предоставляет нам гражданские свободы, а в школьном уставе про ошейники, строго говоря, ничего не написано. После этого администрация стала воевать с нами еще решительнее.

Внешне мы все были на одно лицо, но то, что внутри, важнее, а внутренне я стал совершенно другим человеком, когда вернулся в класс после двухнедельного отсутствия. Я не прошел проверку. Дал обещание и не сдержал его. Пусть внешне я остался прежним, между мной и другими детьми выросла стена.

Мне разрешили наверстать пропуски, как если бы я не ходил в школу из-за тяжелого гриппа, да и вообще я начал чувствовать «особое отношение» ко мне: учителя, которые раньше придирались, хлопали меня по плечу и говорили, что я еще успею всех догнать. Я получал хорошие оценки за дерьмовые сочинения.

Когда я не успевал доделать лабораторную, мне давали дополнительное время, а когда проваливал экзамен – предлагали пересдачу.

Что до моих одноклассников, то некоторые из них знали меня с пяти лет, и вот теперь все они бормотали соболезнования, а после неловко замолкали. Никто больше не просил меня помочь с домашкой по алгебре и не приглашал домой поиграть в приставку. Мальчишки не спихивали с парты мои учебники, когда я отворачивался, и не дразнились, когда клубу «Вашингтон редскинз» удавалось разгромить мою любимую команду. Шутки о сексе обрывались на полуслове, как только я входил.

За мной постоянно наблюдали: в классе, в коридоре, на собраниях и во время обеда. Все шушукались, прикрывая рты рукой, качали головами и таращились на меня так, будто считали слепым. Будто я был очень похожей, но жутковатой восковой копией прежнего себя.

Никто не смотрел мне в глаза, словно потеря матери была заразной болезнью.

Однажды на уроке американской истории у мистера Фергюсона в классе стало жарко, и я, не подумав, закатал рукава. Не успел я опомниться, как от стола к столу полетел шепоток. «На запястьях?» – прошипела Сьюзи Гэммин, прежде чем на нее шикнули.

Я опустил рукава и застегнул манжеты, но это не помогло. Сорвавшиеся слова умножились, они превратились в оползень, камнепад, и его было уже не остановить.

На следующий день я надел на левую руку часы на толстом ремешке, натиравшем не до конца зажившую кожу, а на правую – несколько силиконовых браслетов, ношение которых директор недавно строго-настрого запретил. Они стали частью моей повседневной формы.

Никто не заставлял меня их снять, никто ничего не говорил, но все пялились в надежде увидеть то, что скрывалось под ними.

* * *

Вещи, которые исчезли из моей жизни:

1. Хоккей. Я начал играть в шесть лет вскоре после того, как папа впервые взял меня на матч «Вашингтон кэпиталз». Мама была не в восторге от моего увлечения, но особо не возражала – возможно, потому, что так укреплялась связь между мной и отцом. Или просто потому, что я очень любил эту игру.

Вообще-то, я правша, но стоило мне зашнуровать коньки и занять свое место в левом крыле, как со мной происходила странная перемена. Орудую клюшкой, я мог с равным успехом пользоваться обеими руками и в два счета перестраивался, чтобы выбить шайбу из угла или отправить ее в ворота, прежде чем обескураженный противник успевал отреагировать. Моя команда не всегда побеждала, но в последний год мы дошли до финала, и я, перейдя в восьмой класс, не сомневался, что в новом сезоне мы выиграем чемпионат. Тогда казалось, что в моей жизни не могло произойти более важного события.

2. Работа на уроке. Я больше не поднимал руку, а учителя меня не спрашивали. Очень простой расклад.

3. Сон. Я, разумеется, спал, но постоянно просыпался. Меня мучили кошмары. Как правило, эти сцены не были связаны с моей реальной жизнью. Чаще всего мне снилось, что я падаю: с неба, с крыши дома, с моста, со скалы. Размахиваю руками, как будто это крылья ветряной мельницы, отчаянно сучу ногами в воздухе. А иногда я видел медведей, акул или хищных динозавров. Порой же мне снилось, что я тону.

Единственное не менялось: я всегда был один.

Лукас

В жаркие дни я скучал по пляжу, который начинался прямо за дверью отцовского дома. Хотя там душно, а по неровному и заросшему травой песку неудобно ходить, море есть море. Его прохладные волны всегда бьются о берег и бормочут, как будто зовут тебя.

Последние три года я жил в четырех часах езды от побережья, и, если у меня возникало желание погрузиться в какой-нибудь водоем, я мог выбрать между бассейном Хеллеров и озером, но всяко забыть про уединение.

У озера вечно колготились толпы туристов и местных жителей, а бассейн с лета оккупировали одноклассницы Карли: каникулы заканчивались, а они все балдели на лежаках. Мне меньше всего хотелось видеть стайку красоток, которым до совершеннолетия как до неба и которые пытались завлечь меня в свои сети лишь потому, что поблизости не было другого самца из тех, что не годились им в отцы. Коул, к большому неудовольствию Карли, все лето занимал умы девиц, но две недели назад он уехал в Университет Дьюка (пошел по стопам своей мамы), а Кейлебу было всего одиннадцать. Подружкам старшей сестры он казался таким же маленьким, какими они представлялись мне.

Аналогии девчонки не уловили.

За последние несколько лет моя кожа заметно посветлела, и татуировки выделились еще ярче. Самые первые из них в свое время появились на запястьях. Это были сложные узоры, которые я придумал сам. Благодаря им, а также проколотой губе и отросшим темным волосам я стал больше похож на любителя депрессивной музыки и всякой чернухи, чем на того пляжного подростка, каким я был, когда на моем теле появились первые картинки и пирсинг.

В старших классах я проколол себе все, что можно, и начал носить не только лабрет, но и ушную заклепку. В брови появилась штанга, в сосок я продел кольцо. Отцу это страшно не нравилось, а директриса местной школы даже уверяла, что пирсинг свидетельствует о склонности к девиантному поведению и антиобщественной позиции. Мне было влом спорить.

Уехав из дома, я повиныimal все, кроме лабрета – самой заметной штуковины.

Я ждал, что Хеллер спросит, почему я ее оставил, но он не спросил. Наверное, он знал, какой будет ответ: моя жизнь развивалась категорически неправильно, и я не собирался встраиваться в общий поток. Для нормальных людей этот лабрет был сигналом не приближаться. Я сам соорудил барьер, который оповещал всех о том, что боли я не боялся. Она меня даже манила.

Занятия шли уже две недели. Вопреки своим принципам (вернее, тому, что от них осталось) я разглядывал Джеки Уоллес. Ее темно-русые волосы чуть ниже плеч либо падали мягкими волнами, либо она собирала их в пучок или хвостик (в последнем случае ее можно было принять за ровесницу Карли). Большие глаза светились безоблачной васильковой голубизной. Когда Джеки сердилась или о чем-то глубоко задумывалась, ее брови смыкались над переносицей, а когда она бывала спокойна, они выгибались высокими дугами (мне даже стало любопытно, что же с ними происходит в момент удивления). Джеки была среднего роста. Стройная, но не сухощавая.

Ногти у нее были коротко остриженные, ненакрашенные, и я никогда не видел, чтобы она их грызла. Наверное, длинными ногтями ей было бы неудобно исполнять те симфонии, которые звучат у нее в голове. Мне хотелось подключить к ней наушники и услышать то, что слышала она, когда беззвучно перебирала пальцами в воздухе. Я пытался угадать, на каком же инструменте она играет, хотя даже на слух вряд ли сумел бы отличить альт от виолончели.

Говорят, что человек искусства должен быть художником во всем. Это справедливо по отношению к людям вроде моей мамы, но не ко всем. Например, когда я был младше, наши знакомые считали, что я просто обязан заниматься музыкой или живописью и писать стихи. Но мои творческие способности проявлялись только в одном – в рисовании. Больше ни в чем. Зато даже татуировки являлись моими же карандашными рисунками, перенесенными с бумаги на кожу.

Одолев нудную главу о калибровке датчиков, которая была нужна для лабораторной, я сунул учебник в рюкзак и достал блокнот. До конца лекции Хеллера осталось пятнадцать минут. Мой взгляд снова остановился на Джеки Уоллес: она сидела несколькими рядами ниже, подперев рукой подбородок. Пальцы сами собой потянулись за карандашом, и, прежде чем я успел опомниться, набросок был готов. На бумаге я не мог передать, как Джеки перебирала струны невидимого инструмента, поэтому «поймал» ее в тот момент, когда она просто слушала лекцию (или делала вид).

– Наверное, те из вас, для кого мой предмет не является основным, задаются вопросом: зачем нам вообще нужна эта экономика? – сказал Хеллер.

Я вздохнул, потому что заранее знал ответ. Весь курс лекций я успел выучить наизусть.

– Экономика нужна затем, чтобы вы, когда останетесь без работы, хотя бы поняли, почему это произошло.

Как и следовало ожидать, по аудитории пробежал недовольный гул. Я сам еле удержался, чтобы не закатить глаза, в четвертый раз выслушав одну и ту же остроту. Но Джеки улыбнулась (со своего места я видел ее щеку и уголок рта).

Значит, ей нравились бородатые шутки.

А парень ее был из тех, кто разочарованно заныл.

* * *

На тот же день был назначен мой семинар. Первый за семестр. Недели две после начала учебы большинство студентов и в ус не дует, даже если у них уже появляются «хвосты». Поэтому я не ждал, что на моем дополнительном занятии соберется толпа. Я вообще не был уверен, придет ли на него хоть кто-нибудь.

Когда я только начал работать ассистентом у Хеллера, на первый семинар семестра явилась всего одна студентка – соседка той, с кем я переспал двумя неделями раньше. Саму ту девушку я почти не помнил, хотя мы и провели вместе пару часов. А вот подружку узнал сразу, потому что над кроватью у нее красовалась доска, вся увешанная эксгибиционистскими фотками, и они меня немного... отвлекали. Казалось, что я занимаюсь сексом в присутствии полуголых зрительниц. Было дико неловко. Интересно, что эта нимфоманка делала со своими фотографиями, когда к ней приезжали родители? Завешивала их таблицей Менделеева или портретом Эйнштейна?

Итак, на своем первом занятии я чертил графики, объясняя разницу между смещением кривой спроса вниз и падением спроса одной-единственной студентке, которая даже не подозревала о том, что я видел ее топлес. Я не мог смотреть ей в глаза, да и вообще не мог на нее смотреть, а больше было не на кого. В общем, хоть сквозь землю провалились.

Ну а на этот раз ко мне пришли четыре человека, и все они очень удивились тому, что их так мало. Ни Кеннеди Мура, ни Джеки Уоллес среди них не

оказалось. Я почувствовал одновременно облегчение и разочарование, хотя и то и другое было совершенно безосновательно.

– Я работаю ассистентом доктора Хеллера уже третий семестр, – сказал я, обратившись к своим слушателям, которые расселись за первыми столами в крошечной аудитории. На меня сосредоточенно уставились четыре пары глаз. – В прошлом году все, кто посещал мои дополнительные семинары весь семестр два или три раза в неделю, получили на экзамене А или В.

Глаза слушателей расширились. Судя по всему, ребята решили, что я волшебник. Не ввел ли я их в заблуждение? Если честно, то на мои занятия чаще всего ходили круглые отличники. Такие студенты пропускают лекции и семинары только по случаю срочной операции или чьей-нибудь смерти, все читают от корки до корки, знают ответы на вопросы в конце каждого параграфа и делают все дополнительные задания. Учеба для них главное, и в большинстве своем они вполне справились бы с курсом экономики без моей помощи.

Как бы то ни было, эти статистические данные помогли мне не остаться без работы, и я воспользовался возможностью ими блеснуть.

Каждую неделю мои ассистентские обязанности отнимали у меня около пятнадцати часов, включая сами семинары, а также подготовку к ним, присутствие на лекциях и индивидуальные консультации, которые я проводил очно и по электронке. То, что я за это получал, покрывало четверть стоимости моего обучения. Две другие мои работы приносили больше денег (я следил за порядком на университетской парковке и стоял за прилавком в кафетерии «Старбакс»), но помогать Хеллеру было как-то спокойнее.

Во всяком случае, пока я не встретил ее.

Глава 3

Лэндон

Отец как будто не замечал, что я бросил хоккей. А еще он не замечал, что я отдалился от друзей и замкнулся в себе. Он только каждый день присылал за мной в школу водителя, да и то потому, что я сам, выходя из машины в первое утро после похорон, спросил, как мне добраться домой.

Глаза отец прятал под солнечными очками, и я не видел той боли, которая обжигала его каждый раз, когда он сталкивался с тем, что мамы больше нет и кто-то другой должен делать те вещи, которые всегда делала она. Именно она забирала меня из школы, потому что оттуда до дома было двадцать пять минут езды на машине или на метро, куда мне до сих пор не разрешали спускаться одному, а потом еще и несколько кварталов пешком.

Я хотел предложить: «Мне уже тринадцать, я вполне смогу добраться сам», – но отец сказал:

– Я... пришлю за тобой шофера. Ты ведь освобождаешься в три?

– В половине четвертого, – поправил я, закидывая на плечо рюкзак и выходя из машины. Я почувствовал, как внутри меня закипает злость, и с трудом ее подавил.

В то время года по утрам уже бывало прохладно, хотя еще и не настолько, чтобы изо рта валил пар. Дети, которых привезли пораньше, болтались у крыльца в ожидании первого звонка, а кто-то еще только вылезал из родительских машин. Ни те ни другие не торопились войти в здание. Как только я появился, все головы повернулись в мою сторону. Родители вместо того, чтобы поскорее отъехать, продолжали стоять у обочины. Их глаза были похожи на десятки маленьких лампочек.

– Лэндон? – Я обернулся на голос отца, смутно надеясь, что он позовет меня обратно в машину и отвезет домой или к себе на работу. Я бы обрадовался чему угодно, лишь бы не оставаться здесь. – У тебя есть ключи от дома? – Я кивнул. – За тобой приедут к половине четвертого. Я вернусь рано. Самое позднее в половине шестого. – На скулах у него проступили желваки. – Как только войдешь в дом, закройся на замок. И проверь окна.

Я еще раз кивнул и захлопнул дверцу. Отец бросил на меня взгляд через стекло, и у меня снова перехватило дыхание от безумной мысли, что он, может быть, все-таки разрешит мне не оставаться здесь. Но он поднял на прощание руку и уехал.

Про хоккей я ему ничего не сказал. Просто бросил занятия. Когда мне наконец позвонил тренер, я отказался вернуться в команду. Тот возразил, что тренировки, возможно, помогут мне отвлечься и что я могу не переживать, если потерял форму, – постепенно я все наверстаю. Ребята будут рады меня поддержать. Кто-то из них даже предложил нарисовать на наших шлемах или вышить на рукавах мамыны инициалы. Я слушал молча. Ждал, когда же тренер поймет, что я не стану с ним спорить. Но и на тренировку не приду.

Не знаю, продолжал ли отец платить за хоккей, или ему перестали посылать счета. Мне было наплевать.

* * *

До того кошмарного дня (теперь все делилось для меня на «до» и «после») мне нравилась одна девочка. Ее звали Есения. С конца прошлого учебного года мы с ней не виделись, хотя и перебросились за лето несколькими эсэмэсками, а еще обменивались загадочными фразами в социальных сетях. Это было все равно что флиртовать друг с другом при помощи семафора. «Клевое фото! Супер! Особенно глаза» – так она написала, когда я выложил снимок, который мама сделала на пляже возле дедушкиного дома. Я стоял на закате у кромки моря.

По поводу этой фотографии я получил десяток комментариев, но Есения была единственной, чьи отзывы меня действительно интересовали. И это сообщение оказалось самым смелым из всего, что мы друг другу сказали.

За лето я вырос, чему ужасно обрадовался, потому что в седьмом классе мы с Есенией были примерно одинаковые, а девчонки придают таким вещам большое значение: хотят носить каблуки и при этом не быть выше кавалера. Я прибавил три дюйма и не собирался на этом останавливаться. Ведь у отца рост шесть футов с лишним – больше, чем у обоих моих дедов.

Есения была единственной дочерью посла Сальвадора – красивой смуглой девочкой с блестящими, коротко стриженными черными волосами. Во время обеда ее огромные карие глаза следили за мной с другого конца столовой. Семья Есении жила в особняке за Дюпон-Серкл[2 - Дюпон-Серкл – дорожное кольцо в центре Вашингтона.]. После каникул я уговорил маму разрешить мне одному съездить туда на метро, но все не мог набраться храбрости, чтобы напроситься к Есении в гости.

На второй неделе занятий я наконец-то улучил момент, когда она была одна, без своих многочисленных подруг, – для тринадцатилетних девочек такие минуты довольно редки, – и на одном дыхании выпалил заготовленный текст:

– Привет! Сходим в субботу в кино?

Есения удивленно заморгала. Наверное, заметила мои три дюйма. Она была самой высокой девочкой в параллели, и некоторые мальчишки смотрели на нее снизу вверх.

– Со мной, – уточнил я, видя, что она не спешит с ответом.

– Э-э... – Есения переступила с ноги на ногу, зажав книги под мышкой. Сердце у меня забилось: «Черт! Черт! Черт!» Наконец она сказала: – Честно говоря, мне пока не разрешают гулять с мальчиками.

Хм! Теперь пришла моя очередь неловко переминаясь:

– Ну тогда, может, мы... посмотрим какой-нибудь фильм у меня дома?

Подумав, она ответила:

– Ладно, конечно. Я тебе напишу.

Я почувствовал себя так, будто меня окунули в холодную воду, резко выдернули, а потом поцеловали, но только кивнул, изображая невозмутимость. Я пригласил девушку на свидание. Оказывается, не так-то это и сложно!

В конце коридора появились подружки Есении. Они стали звать ее, с любопытством поглядывая на меня. «Привет, Лэндон!» – крикнула одна из них.

Я с улыбкой ответил на приветствие и пошел в свой класс, держа руки в карманах. «Да! Да! Да! Да!» – беззвучно твердил я, как будто забросил шайбу, которая влетела в ворота, проскочив прямо под наколенником вратаря. До субботы оставалось всего пять дней.

Через двадцать четыре часа для меня наступило «после».

Лукас

– Сволочь!

Я стиснул зубы, чтобы не ответить: «Да не может быть! До тебя мне никто такого не говорил!» – и продолжил оформлять квитанцию на штраф. Слава богу, я ее уже почти заполнил.

Мне бывает жалко водителей, у которых время парковки заканчивается за секунду до того, как они возвращаются в машину. Мне бывает жаль их, когда они неправильно паркуются, потому что указатели расставлены непонятно. Но я никогда не жалею студентов, которые внаглую встают под табличкой: «Только для преподавателей!»

Поняв, что ее внешность и предсказуемое восклицание не работают (я не порвал квитанцию и даже не поднял глаз), девушка решила попробовать иначе:

– Ну пожалуйста! Меня не было всего минут десять! Честное слово!

Да, да, как бы не так!

Я протянул ей квитанцию. Она скрестила руки на груди и с вызовом уставилась на меня. Я пожал плечами, вложил бумажку в конверт и сунул его под «дворник».

Возвращаясь к двухместной машинке, на которой передвигался по стоянке, я услышал:

– Сын похотливой макаки!

Так-так! А вот это уже что-то новое. Неплохо, миз[3 - Миз (англ. Ms.) – обращение, которое ставится перед фамилией женщины, чье семейное положение неизвестно или не подчеркивается; вошло в употребление в 1970-е гг. по инициативе феминистского движения.] Голубой Мини-Купер!

Боже мой! Пожалуй, деньги, которые я получал, не возмещали мне морального ущерба от подобных оскорблений. Само собой, я работал на парковке не ради престижа. И не ради удовольствия запихивать волосы под форменную полиэстеровую фуражку, в которой в жаркие дни (то есть большую часть года) я чувствовал себя так, будто на голове у меня пожар. Еще перед сменой мне приходилось вынимать лабрет из губы (к счастью, прокол уже несколько лет как зажил) и ставить вместо него бесцветный «гвоздик». Форма, которую я носил на дежурстве, представляла собой полную противоположность тому, что висело в моем платяном шкафу.

Благодаря такому моему «преображению» студенты (иногда даже те из них, с кем я бок о бок сидел в аудитории) не узнавали меня, когда я портил им настроение своими штрафами.

– Извините, молодой человек!

Так меня обычно подзывали бабушки студентов, но на сей раз я узнал голос профессора, которому прошлой весной сдавал термодинамику. Вот черт! Засовывая блокнот с бланками в карман, я взмолился, чтобы мистер Новенький Мерседес, которому я оставил квитанцию на штраф за то, что он занял сразу два парковочных места в заднем ряду, не оказался моим профессором. Я не ожидал от доктора Азиза такого разгильдяйства, но за рулем люди иногда ведут себя очень странно, превращаясь из солидных законопослушных граждан в отвязных придурков.

– Да, сэр? – откликнулся я, собравшись с духом.

– Не поможете мне завестись?

Он дышал так, будто только что на спринтерской скорости перебежал футбольное поле.

– Конечно, садитесь. Где ваша машина? – спросил я, проигнорировав девушку в «мини-купере», которая показала мне средний палец, проезжая мимо нас.

Доктор Азиз промолчал, но, судя по поднятым бровям, его озадачил жест, ставший для меня таким привычным. Профессор сел на пассажирское место и, поискав несуществующий ремень, взялся обеими руками за панель.

– Через два ряда отсюда, – указал он, – зеленый «таурус».

Я притормозил на повороте, чтобы доктор Азиз не слетел с кресла. Мне подумалось, что, будь я в своей обычной, менее уязвимой ипостаси, я не позволил бы показывать мне палец посреди стоянки. Но, патрулируя кампус в этой дурацкой форме, я превращался в ходячую мишень для оскорблений.

Когда машина профессора завелась, я отсоединил провода и захлопнул капот:

– Аккумулятор нужно зарядить или заменить. Эта коробка не дает полной зарядки.

Я знал, что мой преподаватель не нуждается в подобных советах, но сказал так, поскольку считал себя неузнаваемым. Оказалось, зря.

– Да, да, мистер Максфилд, не беспокойтесь, я догадываюсь, – рассмеялся он, все еще тяжело дыша. – А знаете? Хорошо, что я вас встретил. Сегодня утром я как раз вспоминал своих студентов прошлых лет. Собираюсь предложить нескольким вашим сокурсникам поучаствовать в исследовательском проекте, который запускают в этом семестре. Он будет посвящен разработке прочных мягких материалов, устойчивых к термодинамическому воздействию, для использования в фармакологии и тканевой инженерии.

Я знал об этом проекте. В прошлом месяце он обсуждался на заседании клуба «Тау-бета-пи», причем с таким энтузиазмом, на какой способны только инженеры-«ботаники».

– Вы ведь уже на четвертом курсе, верно?

Я был настолько ошарашен, что не смог ничего сказать и лишь кивнул.

– Хм... Нас интересуют в первую очередь младшекурсники, потому что они пробудут в университете дольше. – Доктор Азиз усмехнулся каким-то своим мыслям и, скривив губы, посмотрел на меня. – В любом случае, запускать проект должны очень сильные студенты, и если вам это интересно, то вы, вероятно, нам очень пригодитесь. Это будет отражено во вкладыше в диплом. Кроме того, мы получили грант и сможем платить тем, кто пройдет отбор, небольшую стипендию.

Ни фиги себе! Я наконец-то вышел из ступора:

– Да, конечно, мне это очень интересно.

– Хорошо. Тогда напишите мне сегодня по электронной почте, и я пришлю бланк для официальной заявки. Правда, должен вас предупредить, что количество мест ограничено. А желающих будет, я думаю, немало. – Здесь профессор не ошибся: некоторые из моих однокурсников запросто толкнули бы меня под поезд, лишь бы их отобрали для участия в этом проекте. – Но я полагаю, – и доктор Азиз заговорщицки улыбнулся, – что вы будете одним из главных претендентов.

* * *

В день первой контрольной у Хеллера мне разрешили не присутствовать в аудитории. Я сдуру вышел на дежурство в чужую смену, вместо того чтобы подольше поспать, как делают нормальные студенты, у которых отменили первую пару. Я совершенно разучился распоряжаться свободным временем, и, если между учебой, работой и общественной деятельностью возникало «окно», я заполнял его опять же работой.

В семь утра неожиданно набежавшие тучи заслонили восходившее солнце, грянул гром, и на округу обрушился ливень. Хорошо, что не пришлось мокнуть на мотоцикле: Хеллер подбросил меня до кампуса на своей машине. Я помог ему донести до кабинета ящик с книгами и после того, как мы договорились о

планах на день, вышел на улицу через боковую дверь.

Пока я был в здании, выглянуло солнце. Дождь на какое-то время перестал, хотя крупные капли еще срывались с деревьев и карнизов за шиворот студентам, которые семенили по лужам и перепрыгивали через ручейки. Низкие серые облака предвещали скорое и обильное продолжение дождя. В моем распоряжении было от силы пять минут, чтобы добраться сухим до полицейского отделения кампуса.

Я знал, что если дождь зарядит на весь день (а именно это обещали синоптики), то мне не придется патрулировать парковку: меня оставят в помещении отвечать на звонки и перебирать бумаги. У лейтенанта Фейрфакса был вечный завал с документами. Я почти не сомневался в том, что сам он к ним вообще не притрагивался и дожидался ненастных дней, чтобы спихнуть весь этот геморрой на меня. А мне, как ни странно, торчать в кабинете нравилось еще меньше, чем воевать с раздраженными студентами и преподавателями на стоянке.

И я весь день не увижу Джеки Уоллес.

Я постарался отогнать эту мысль, надел темные очки и придержал дверь для трех девиц, которые прошли мимо меня, ни на секунду не прервав своего разговора, как будто я был лакеем или роботом, специально поставленным для того, чтобы открывать им двери. Черт бы побрал эту униформу!

И тут я все-таки увидел Джеки: она шлепала по лужам галошами в ромашках. Я замер, как статуя, продолжая держать дверь, хотя девушка была еще далеко и меня не замечала. Она, похоже, вообще ничего вокруг себя не видела. Я знал, что она направлялась именно сюда, поскольку через минуту у нее начиналась контрольная по экономике. Кеннеди Мура поблизости видно не было.

Дергая плечом, чтобы поправить сползающий рюкзак, Джеки принялась воевать с зонтиком (такой же расцветки, как и галоши). Судя по тому, что она явилась на занятия с опозданием и без своего парня, чего раньше не случалось, да еще и явно нервничала, утро у нее не задалось. «Черт!» – пробормотала Джеки, встряхивая зонт, который никак не хотел закрываться.

Когда после сотого нажатия кнопки он наконец сложился, она подняла глаза и увидела, что я держал для нее дверь.

Волосы у Джеки были влажные, ресницы склеились – значит она попала под дождь, когда шла от общежития к машине или от парковки к корпусу. Я чуть не потерял сознание от близости ее мокрого ненакрашенного лица, от ее красивых глаз. Она пахла жимолостью. Я сразу узнал этот запах, потому что жимолость оплетала маленький домик на нашем заднем дворе, где мама устроила себе мастерскую. Летом, особенно при открытых окнах, трубчатые цветки наполняли комнату сладковатым ароматом. Мама готовилась к осенней выставке, а я сидел тут же за исцарапанным столом и рисовал героев компьютерных игр, или каких-нибудь жучков, или детали неработающего устройства, которое папа разрешил мне растерзать.

Когда Джеки увидела меня, ее хмурая гримаса, адресованная своему зонтику, сменилась удивленной улыбкой.

– Спасибо, – сказала она и шмыгнула в открытую дверь.

– Не за что, – ответил я, но она уже убежала.

На занятие по предмету, который я преподавал. К парню, который был ее недостоин.

Я очень, очень давно не позволял себе несбыточных грез.

Глава 4

Лэндон

После моего возвращения из больницы отец взял резак и принялся отдиравать от пола супружеской спальни окровавленное ковровое покрытие. Потом он включил циклевочную машинку и, даже не надев маску, начал скоблить доски, пока не проделал посреди комнаты яму. Пыль поднималась дымными клубами, окутывая все вокруг, включая самого папу.

Я сидел в холле, вжавшись в стену и заткнув уши, чтобы не слышать горя и ярости своего отца. Меня тошнило от воя машинки, который смешивался с хриплым ревом. Этот шум и эти слезы были абсолютно никому не нужны, потому что не могли вернуть маму. Когда мотор затих, я осторожно подошел к двери и заглянул внутрь. Отец, плача и кашляя, стоял на коленях над ненавистным пятном, которое побледнело, но так и не исчезло.

В день похорон я проснулся от шагов в коридоре: папа ходил взад-вперед мимо моей двери. В комнате было еще темно, я лежал не шевелясь и почти не дышал. По звуку можно было понять, что в родительской спальне открывались и закрывались створки шкафов, выдвигались и задвигались ящики комода. Потом в коридоре опять слышались шаги. Это повторялось снова и снова. Через час дверь в комнату родителей захлопнулась.

Отец перебрался на первый этаж. По негласной договоренности та страшная спальня с тех пор оставалась запертой и никто туда больше не входил.

* * *

Синди часто заглядывала проводить нас с отцом. Приносила еду, пыталась подбодрить. Обычно с ней приходил Чарльз или Коул – их старший сын, который вечно все говорил не так (не важно, что другие произносили то же самое).

– Жалко твою маму, – сказал он, усаживаясь рядом на мою кровать и беря в руку пульт.

Я кивнул и уставился в экран: мы с Коулом наперегонки понеслись по какой-то известной улице (ее названия я не вспомнил), круша мусорные баки, деревья и встречные машины. Изредка нам попадался неудачливый пешеход. Я старался объезжать людей, а Коул специально в них целил, особенно если за игрой наблюдала маленькая Карли. Каждый раз, когда его автомобиль выезжал на обочину и сбивал скейтбордиста, она принималась голосить: «Ты убил ребенка! Ты убил ребенка нарочно!»

Я прощал Коулу и эти выходки, и слова, которые он повторял за другими, потому что ему было десять лет и он держался со мной так же, как раньше. Из всех, кого я знал, он один не поменял своего отношения ко мне.

Однажды утром я вышел из комнаты и спустился по лестнице, услышав приглушенные голоса внизу. Синди и папа пили кофе на кухне. Говорили они тихо, и тем не менее в коридоре все было прекрасно слышно:

– Рэй, ему нужна помощь.

Я сразу понял, что речь идет обо мне. Синди всегда шутила, что охотно обменяла бы двух своих родных сестер на мою маму, которая была ей сестрой настоящей. Поэтому и ко мне она относилась как тетушка, которая знает племянника с первого дня его жизни, обращается с ним как со своим питомцем и во всем норовит поучаствовать.

Отец довольно долго молчал, а потом ответил:

– У Лэндона богатое воображение, ты же знаешь. Он, черт возьми, только и делает, что рисует. Не думаю, что из-за нескольких набросков нужно вести его к мозгоправу...

– Рэй, я наблюдала за твоим ребенком – за вашим с Роуз ребенком – с тех самых пор, как он впервые взял в руки карандаш. Конечно же, я знаю, что он всегда так самовыражался. Но точно тебе говорю: то, что он рисует сейчас, – это совсем другое. Это пугает...

– А чего ты ждала, черт возьми? – прошипел отец. Теперь замолчать пришлось Синди. Он вздохнул: – Извини, Син. Но... мы сами во всем разберемся. Нам не хочется говорить на эту тему. Когда я думаю о той ночи... – Он осекся. – Я не стану заставлять его об этом разговаривать.

За словами отца я расслышал то, о чем он умолчал: ему не хотелось выслушивать мой рассказ о случившемся.

Но он был прав. Мне действительно не хотелось об этом разговаривать.

– Рэй, он замыкается в себе. Он почти все время молчит. – В голосе Синди слышались слезы.

– Ему тринадцать лет. В этом возрасте многие бывают неразговорчивы.

– Если бы он и раньше так себя вел, я бы согласилась, что все нормально. Но это не его случай. Он был веселым и общительным мальчиком. Я смотрела на него и на Роуз и надеялась, что, может быть, и у меня вырастут сыновья, которые в тринадцать лет не перестанут разговаривать со мной, смеяться и целовать меня, уходя в школу. Нынешнее состояние ненормально для Лэндона, и возраст тут ни при чем.

Папа снова вздохнул:

– Его мать умерла. Откуда взяться нормальному поведению? – (Синди шмыгнула носом, и я понял, что она плачет.) – Давай не будем больше об этом. Я очень ценю вашу с Чарльзом поддержку... но я просто не могу...

– Может, я подыщу хорошего доктора и сама отведу Лэндона к нему, а ты не участвуй, если не хочешь...

– Нет. Пока не надо. Дай ему время.

– Но...

– Синди.

Мне была хорошо знакома эта отцовская интонация, означавшая «я все сказал». Когда мне хотелось чего-то запретного, решающее «нет» всегда оставалось за папой. Он говорил: «Лэндон» – и хмурил брови. После этого я понимал, что спорить бессмысленно.

* * *

Максфилды и Хеллеры праздновали День благодарения вместе еще до моего рождения. Эту традицию никогда не нарушали, несмотря на то что после защиты диссертаций пути моего отца и Чарльза разошлись: папа решил уйти из университета и работать в правительственной организации, а Хеллер получил место на кафедре в Джорджтауне. Когда я родился, обе семьи поселились в пределах вашингтонской кольцевой в двадцати минутах езды друг от друга: они в Арлингтоне, мы в Александрии.

В тот год День благодарения должен был праздноваться у нас. Но планы изменились. Мы с отцом сели в машину и поехали к Хеллерам, мысленно проклиная рождественские песенки, которые звучали по радио. Ни он, ни я не пошевелились, чтобы переключить канал.

Мама любила праздники. Всякие. Сопутствующий им коммерческий бум ее не раздражал. В феврале она пекла печенье в форме сердечек; в июле, охая и ахая, восторгалась фейерверками; затем подхватывала рождественские мелодии, звучавшие в эфире, даже если до Рождества оставалось еще много недель. Теперь я стискивал зубы при мысли о том, что больше не услышу ее голос. У меня подводило живот: организм отказывался принимать ужин, который нам предстояло без мамы разделить с Хеллерами.

Я ехал на переднем сиденье. В мешке, который лежал у меня в ногах, был баллон взбитых сливок. На коленях я держал полуфабрикатный тыквенный пирог. Он у нас подгорел и после того, как папа обрезал черные корки, стал выглядеть так, будто его обкусали ворвавшиеся в дом белки. Еще никогда Максфилды не оскорбляли праздничный стол таким убогим подношением.

Мне хватило ума оставить эти соображения при себе.

Ужин оказался съедобным, но все сидели грустные и молчаливые, пока Кейлеб (ему на тот момент не исполнилось и четырех, и столовые приборы он считал излишеством) не продырявил пирог и не слизнул с пальца тыквенную начинку со взбитыми сливками.

– Кейлеб, возьми вилочку, – мягко проговорила Синди в четвертый или пятый раз за вечер.

Но когда подвиг младшего брата повторил Коул, она закатила глаза и одернула его уже менее ласково. Я невольно улыбнулся при виде двух юных Хеллеров, с довольным видом обсасывавших пальцы. Карли подавила смешок.

– Чего? – откликнулся Коул с притворным недоумением, продолжая как ни в чем не бывало слизывать взбитые сливки.

– Чего? – повторил Кейлеб, хихикая, а потом оглядел собравшихся, вынул изо рта липкий палец и ни с того ни с сего прокартавил: – Где Уоуз?

Все застыли. Не получив ответа, он заплакал.

– Где Уоуз? – взвыл он.

Наверное, он только сейчас понял, что, если родители говорят о ком-то «отправился на небеса», ты никогда больше не увидишь этого человека.

Мой желудок предательски скрутило. Я вскочил со стула и бросился в гостевую ванную. Мне вспомнилась та ночь. Мамины крики, которые невозможно забыть. То, как кричал я сам, пока не перешел на хрип. Как слезы кончились, потому что я был уже не в состоянии плакать. Как мало от меня оказалось толку в тот самый миг, когда маме была нужна моя помощь.

Все, что я съел за ужином, отправилось в унитаз, но и после этого пустой желудок продолжал содрогаться от спазмов под аккомпанемент моих всхлипываний.

Через месяц отец уволился с работы, продал наш дом, и мы переехали к моему деду на берег Мексиканского залива. Туда, куда папа раньше надеялся не возвращаться.

Лукас

Примерно раз в неделю я ужинал с Хеллерами. Иногда Чарльз устраивал барбекю, а иногда Синди готовила огромный противень лазаньи. Друзья моих родителей всегда старались держаться так, чтобы я чувствовал себя членом семьи. На секунду-другую мне действительно удавалось представить, что я их сын, старший брат их детей.

Но каждый раз я возвращался в реальный мир, где у меня не было родни, за исключением мужчины, который жил в сотнях миль от меня и не мог смотреть мне в глаза, потому что я напоминал ему о той ночи, когда он потерял единственного любимого человека.

Я умел готовить, но мое меню состояло из самых примитивных блюд. Большинству из них меня научил дед. Он сам был прост, и вкусы у него были простые. Иногда мне казалось, что если я стану таким, как он, то больше ничего и не надо.

Сидя за столом с Хеллерами, я предвкушал предстоявший завуалированный допрос. Синди очень интересовалась моей личной жизнью (как ей казалось, ненавязчиво), и это передалось ее дочери. Не удивлюсь, если Карли была подслана ко мне, чтобы разузнать, почему у меня нет девушки: потому ли, что я тайный гомосексуалист, или по какой-то другой причине. Эта девчонка была истинной дочкой своей мамы и не раздумывая вмешивалась в чужие дела, когда, по ее мнению, в ней очень нуждались. Иногда она подбиралась к цели ближе, чем мне бы хотелось.

Я не сердился на Синди и Карли за попытки меня разговорить. Просто беседовать, как правило, было совершенно не о чем. Я только учился и работал. Иногда ездил в центр города послушать местный оркестр. Каждый месяц посещал заседания студенческого клуба «Тау-бета-пи», а потом снова учился и работал.

У меня даже в мыслях не было привести в свою комнату над хеллеровским гаражом Джеки Уоллес, студентку Чарльза – и мою, кстати, тоже, – хотя она уже не просто приковывала мой взгляд на лекциях, но и пробралась в мои осознанные и неосознанные фантазии.

В то утро она снилась мне, когда зазвонил будильник. Сон был до мелочей правдоподобным и совершенно непристойным.

Мы не были знакомы, но это не помешало мне представить, что она знала, кто я такой. И не уменьшило моего разочарования, когда я окончательно проснулся и понял, где реальность, а где сон.

Я нарочно пришел на экономику с опозданием, проскользнул на свое место, вынул учебник по программированию и заставил себя читать (и неоднократно перечитывать) главу о передаточных функциях. Лишь бы не сходить с ума, видя, как Джеки Уоллес заправляет за ухо прядь волос или размеренно водит пальцами по бедру.

Итак, в моей жизни не происходило решительно ничего такого, о чем можно было поведать Хеллерам за ужином.

Когда я пришел, оказалось, что на этот раз в центре внимания был вовсе не я. Сначала это меня обрадовало, но потом я заметил неладное: Карли, которая, несмотря на хрупкую фигурку, всегда отличалась отменным аппетитом, вяло ковырялась вилкой в тарелке. Из уважения к принципам дочери, которая отказывалась есть «то, у чего есть глаза», Синди всегда готовила для нее отдельную порцию лазаньи без мяса. Это было любимое блюдо Карли, но сейчас она почти не ела.

Старшие Хеллеры встревоженно переглянулись. Я тоже забеспокоился.

– Как дела в команде, Карли? По-прежнему собираетесь играть за универ? – спросил Чарльз, притворяясь, будто все было в порядке.

Глаза Карли наполнились слезами.

– Я больше не хочу, – сказала она, отодвинула тарелку с почти нетронутой едой и побежала к себе. Дверь ее комнаты захлопнулась, но тонкая древесина не помешала рыданиям хозяйки распространиться по всему дому.

– Я надеру задницу этому придурку, – прорычал Чарльз.

Кейлеб вытаращил глаза. До сих пор ему внушали, что слово «задница» в их семье не приветствуется.

– Поверь, я разделяю твои чувства, но разве это что-нибудь решит?

Синди отставила свою тарелку на гранитную столешницу и направилась к лестнице, ведущей в спальню дочери.

– Может, и ничего, зато мне чертовски полегчает, – пробормотал Чарльз.

Горестные причитания Карли стали громче, когда Синди открыла дверь ее комнаты. Мы трое поморщились.

– Рассталась с парнем? – спросил я.

Я не следил за личной жизнью Карли, но дело было явно не в волейболе.

Чарльз кивнул:

– Он переметнулся к одной из ее подружек. Двойной удар в сердце.

Вот свинья! Я видел его только один раз, когда он зашел за Карли перед дискотеккой. Сунул ей в руку орхидею, и они сфотографировались. Он позировал с самодовольным видом, а она стояла, широко раскрыв глаза от непритворной радости. Я вспомнил Кеннеди Мура... а значит, и Джеки Уоллес. Вот черт!

– Скотство! – заметил Кейлеб, дожидая макароны. – Пап, когда соберешься надрать ему задницу, зови меня. Нанесем ему двойной удар по яйцам.

Хеллер-старший фыркнул:

– Постарайся, чтобы мама от тебя такого не слышала. А то она надерет задницу тебе, а заодно и мне.

Сделав сыну мягкое внушение, Чарльз поднял кулак, и они в знак солидарности соприкоснулись костяшками.

Я всегда определял для себя зависть как желание получить что-то такое, что есть у другого. Например, девушку Кеннеди Мура. Она была только одна. Стань она моей – перестала бы быть его.

То, что я испытывал, наблюдая, как Чарльз общался со своими детьми, тоже было, наверное, своеобразной завистью. Только Коул, Карли и Кейлеб благополучно делили между собой его как отца. И мать они делили. Если бы я тоже родился Хеллером, никто из них не остался бы обделенным родительской заботой.

Я был невыразимо благодарен Карли и ребятам за то, что они не ревновали ко мне родителей. Но, как бы часто мы ни воображали себя одной семьей, Синди не была моей матерью, а Чарльз не был моим отцом. Они не могли дать мне то, что

я давно потерял, хотя и очень старались.

Рыдания, доносившиеся сверху, затихли. В промежутках между успокаивающим бормотанием Синди и прерывистыми ответными репликами мы слышали только тихие всхлипывания. Кейлеб ухмылкой поддержал еще одно замечание Чарльза о бывшем ухажере Карли, которому, если ему дороги яйца, следовало держаться подальше от мужчин Хеллеров.

Неся тарелку к раковине, я подавил зависть, которую не имел права испытывать, при помощи единственного доступного мне оружия – стыда.

«Старик, ты остаешься за хозяина. Береги маму».

* * *

Я никогда не осуждал людей за желание быть частью коллектива. Сам я старался держаться подальше от студенческих «братств» (за исключением профессиональных сообществ, где можно было завязать сотрудничество с будущими коллегами), но понимал, что остальные не обязаны вести себя так же, и относился к этому спокойно.

Тем не менее меня раздражали студенты, которые даже одеться утром не могут, чтобы не засвидетельствовать свою клубную принадлежность на какой-нибудь части собственного тела. Девушка, болтавшая с Кеннеди Муром перед занятием, была из таких. Каждый раз, когда я видел эту куклу, название общества, куда она намеревалась вступить, гордо красовалось у нее на футболке, штанах, шортах, куртке или даже на туфлях. Сегодня она выправила хвостик шелковистых волос из-под бейсболки с заветными буквами.

Кеннеди Мур бросил взгляд по сторонам, когда фанатка клуба «Дзета-тау-альфа»[4 - «Дзета-тау-альфа» – одно из крупнейших женских студенческих обществ в США. Основано в 1898 г. В настоящее время имеет более 160 отделений в различных колледжах.] что-то сказала, подавшись вперед и положив руку ему на плечо. На меня он внимания не обратил, как, впрочем, и на остальных присутствующих. Судя по всему, искал Джеки. И нашел. Я заметил ее секундой раньше: она стояла к нему спиной в другом конце аудитории. Смеялась с подружкой и слышать его не могла.

Мур снял с плеча руку своей поклонницы, но задержал ее пальцы дольше необходимого. Раньше я слышал, как она разговаривала с Джеки. Может, они и не были близко знакомы, но, думаю, эта девица понимала, что поступает не совсем хорошо. Подойдя ближе, я смог разобрать их с Муром диалог.

– Не надо, Айви, – сказал он, косясь на Джеки, – ты же знаешь: у меня есть девушка.

В его голосе прозвучала нотка досады. Досады! Сукин сын. Девушка тоже бросила взгляд в сторону Джеки, после чего опять, хлопая ресницами, уставилась на Мура:

– Жаль.

Я был не лучшего мнения об этом типе, считал его недостойным девушки, которую сам не мог выкинуть из головы. И все же я надеялся, что он окажется лучше, чем я о нем думал, и отбреет эту Айви с ее сожалениями.

Но нет. Окинув ее раздевающим взглядом, он пробормотал:

– Я тебе не подхожу: ты такая лапочка, а я иногда бываю кобелем.

У Айви загорелись глаза:

– Мм... Это классно!

Я резко повернулся, вошел в аудиторию и бросил рюкзак на пол. Убеждая себя в том, что услышанное меня не касалось, я сжимал и разжимал кулаки, которые так и чесались исколошматить Кеннеди Мура. Имея такую девушку, как Джеки Уоллес, и пользуясь ее преданностью, этот везучий засранец не должен был даже смотреть на других женщин, не говоря уж о том, чтобы заигрывать с ними.

Через пять минут он вошел в аудиторию вместе с Джеки. Когда они спускались по проходу, его рука лежала у нее на талии. Айви шмыгнула на свое место чуть в стороне и одним рядом выше. Ее взгляд задержался на Муре. Как только Джеки наклонилась, чтобы достать книги из сумки, он улыбнулся через плечо. Мордашка Айви моментально стала сладкой, как сахарин.

Я достал из-за уха карандаш и уставился в свой блокнот. Заштриховывая скейтбордиста, которого набросал утром, я всячески убеждал себя в том, что не вызывало сомнений: сердце Джеки Уоллес принадлежало не мне и я не имел права защищать ее от подлых подруг и неверных бойфрендов. То, что касалось ее, не касалось меня.

Я перевернул в блокноте несколько страниц, чтобы взглянуть на портрет Джеки, второй по счету. Я не удержался и набросал его во время дежурства в полиции, в тот самый дождливый день. Все утро я прокручивал в мозгу ее мягкое «спасибо», вспоминал ее улыбку. Чувствуя, что не могу выкинуть из головы это лицо, я позволил себе его нарисовать. Но бумага и карандаш не помогли мне отделаться от воспоминаний о ясно-голубых глазах, которые были так близко и смотрели так дружелюбно. Обычно, когда на мне эта долбаная форма, меня награждают совсем другими взглядами.

Я вернулся к незаконченному наброску со скейтбордистом, но через несколько минут снова допустил ошибку, посмотрев вперед и вниз: туда, где трижды в неделю сидела она, не подозревая о том, что я за ней наблюдаю. Не зная о борьбе, которую я вел сам с собой, стараясь ее не замечать. Не думая о моем существовании.

Ее пальцы ритмично касались колена: раз, два, три, раз, два, три... Если бы я сидел рядом, я подставил бы ей ладонь, чтобы она втерла мне в кожу ту музыку, которая звучала у нее в голове. Но Мур взял ее за руку и остановил.

– Перестань, – буркнул он.

– Извини, – смущенно ответила она, складывая руки на коленях.

Я стиснул зубы и стал сосредоточенно дышать через нос. Тупая скотина! Хорошо, что на вечер у меня была назначена спарринг-тренировка. Назрела потребность кого-нибудь ударить. Со всей дури.

Странно, что отец и дед плохо ладили друг с другом. Ведь это, можно сказать, был один человек, родившийся дважды с промежутком в тридцать лет. До переезда в дедушкин дом я этого не замечал – вероятно, потому, что папа всегда старался убежать от того, кем он был или мог стать. Он вырос здесь, в этом доме, на этом пляже, но не говорил нараспев, как дед. По речи в нем вообще невозможно было угадать провинциала. Видимо, он специально над этим работал.

Дедушка бросил школу в четырнадцать лет, чтобы рыбачить вместе с моим прадедом, но отец получил аттестат, в восемнадцатилетнем возрасте уехал из дома, поступил в университет и вышел оттуда со степенью доктора философии[5 - Доктор философии – ученая степень, присваиваемая магистрам как гуманитарных, так и естественных наук. Считается приблизительным эквивалентом степени кандидата наук в Российской Федерации.] по экономике. В городке его вроде бы и знали, но он отсутствовал больше двадцати лет, и теперь, если куда-нибудь заходил, ему не удавалось найти компанию. Люди держались в стороне от него, а он – от них. Целыми днями работал на лодке с дедом. Я думал о том, как они проводили бок о бок по много часов подряд, не говоря друг другу ни слова, и мне казалось, что однажды папа окажется на дедовом месте, а я на его. Так бы и вышло, если бы я продолжал прежнюю жизнь.

Накануне переезда отец избавился от всех своих дорогих костюмов, кроме одного. Мы оставили всю мебель и электронику, посуду и кухонную утварь, литературу по экономике, финансам и бухучету. Я взял с собой большую часть своего гардероба, видеоигры, кое-какие книги и все блокноты с набросками. Из моих вещей мне было разрешено забрать все, что угодно, – лишь бы это влезло в машину. Синди сложила в коробки альбомы и рамки с фотографиями, а мамины работы завернула в оберточную бумагу и щедро перемотала скотчем. Несколько картин они с Чарльзом взяли себе.

Раньше мы бывали у дедушки только летом. Я ночевал в спальном мешке на веранде или на старом, пахнущем сыростью диване в гостиной. Кроме этой гостиной, в доме было только две комнаты, кухня и ванная. Но я совершенно не задумывался о том, где меня поселят, пока мы не прибыли на место. Произошло это за два дня до Рождества.

В углу, на шатком столике у окна, стояла метровая искусственная елка. Выглядела она скорее убого, чем празднично. Из украшений были только немигающие разноцветные лампочки, несколько леденцов-тросточек в целлофановых обертках, десяток блестящих колокольчиков и восемь войлочных рамок с моими фотографиями от детского сада до седьмого класса.

Звезды не было. Ангела тоже. Макушка голая, а внизу вместо подарков только пластиковая подставка на голом полу.

При маме мы всегда покупали большую живую елку на специальной ферме в двадцати милях от города. Я выбирал деревце, родители платили, а потом его срубали и привязывали на крыше нашей машины. Оно нависало над лобовым и над задним стеклами, напоминая мне ракету. Наша последняя елка оказалась такой высокой, что папа прилаживал звезду и украшал верхние ветки мерцающими белыми фонариками, стоя на стремянке.

Снизу мама укутывала ствол красивой тканью с золотой тесьмой и вышитыми надписями: «С Рождеством!», «Веселых праздников!», «Хо-хо-хо!» Под елкой была гора подарков, и на большинстве коробок висел ярлычок «Лэндону».

Меня баловали, и я, пожалуй, понимал это, но не парился на сей счет: все дети, которых я знал, были немного испорченными.

Дедушка выхватил у меня из рук чемодан и зашагал в сторону кухни. Тут только я задумался о том, где будет моя комната.

Дед открыл дверь кладовки. Точнее, бывшей кладовки. Нижние полки он убрал и каким-то невероятным образом втиснул туда каркасную кровать, которая заняла почти все пространство от одной стены до другой. С потолка на цепочке свисала люстра с тремя лампочками – такие обычно вешают на кухне. Собственно говоря, эта штукавина и висела на кухне, когда я был здесь в последний раз, то есть несколько месяцев назад. В угол при входе дед впихнул самый узкий в мире комод. Но даже при его исключительной компактности я должен был закрывать дверь, когда хотел выдвинуть какой-нибудь ящик. Окна не было.

Итак, я превратился в Гарри Поттера, за исключением того, что мне было тринадцать лет, я не умел колдовать и моя дальнейшая жизнь, какой бы я ее

себе ни рисовал, не имела определенной цели.

– Хозяйничай тут как хочешь. Все равно тебе здесь только спать да хранить барахло. Ты не обязан все время тут торчать.

Очевидно, люди дедушкиного возраста многое забывают. Если бы он помнил себя тринадцатилетним, он бы знал, что подростки не просто спят в своих комнатах. Они в них живут.

Дедушка был здравомыслящим человеком. Мама говорила о нем:

– Он как твой папа. Для них мир черно-белый.

– Тогда почему они всегда друг на друга сердятся? – спрашивал я.

– Они не сердятся. Просто не могут договориться, где белое, а где черное. И вечно спорят о том, что посередине.

Отец считал, что разочаровал деда, отказавшись от рыболовецкого промысла и уехав из городка. Но мне кажется, что дело было не в этом. Может, дедушка просто хотел, чтобы ему дали возможность распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению и не судили о нем как о недостаточно хорошем или малообразованном человеке.

– То есть они спорят из-за серого?

– Скорее из-за других цветов. То, что на черно-белых фотографиях выходит серым, на самом деле может быть зеленой травой, розовым шарфиком или желтым цветком. Думаю, иногда папа и дедушка не видят, сколько всего помещается между черным и белым, – отвечала мама и улыбалась. – Может быть, у них проблемы с восприятием цвета. Как у меня с математикой.

Я кивал, но мне хорошо давалось и то и другое. Поэтому я не совсем понимал смысл маминых слов.

* * *

Лежа на своей новой кровати, я таращился на три свечеобразные лампочки единственного осветительного прибора, который имелся в моей микроскопической конуре. Шнур с выключателем сползал по стене у входа. Металлические части люстры так окислились, что мне оставалось только догадываться, как она должна была выглядеть. Может, когда-то она блестела – лет пятьдесят назад. Наверное, эта вещь требовала ухода и не предназначалась для использования при такой влажности, вблизи океана.

Я расставил руки и дотронулся сразу до двух стен, а потянувшись назад, достал третью. Четвертую стену почти полностью занимала дверь, обрамленная узкими деревянными досками с боков и сверху.

Поднявшись на колени, я прополз вдоль одной из оставленных дедом узких полок и нащупал айпод, лежавший рядом со стопкой блокнотов. Несколько месяцев назад здесь хранились банки и жестянки с консервами, крупы и макароны в коробках, головки сыра. У двери стояли корзины с картошкой и луком. В моей новой комнате все еще витал соответствующий запах, хотя сами овощи куда-то убрали – наверное, в шкаф на кухне.

Я сунул в уши «капельки» и отыскал в меню альбом группы, о существовании которой узнал незадолго до отъезда из Александрии. Это были местные ребята, иногда выступавшие на университетском радио, и я думал, что неплохо было бы сходить послушать их живьем. Теперь мне не грозило их увидеть: ведь даже если бы они прославились и начали гастролировать, они бы точно не приехали в эту дыру. Сюда вообще никто не приезжал.

Я понятия не имел, куда подевались коробки с елочными украшениями, которые мама каждый год вытаскивала из подвальной кладовой. Не знал, что стало с гирляндами, зелеными венками, бархатными носочками и предрождественским календарем с крошечными открывающимися окошками.

Подарков я не ждал, но дедушка преподнес мне карманный нож с перламутровой рукояткой и лезвием длиннее моего среднего пальца – судя по всему, старый, но в хорошем состоянии и убийственно остро заточенный. Отец, позабыв купить что-нибудь к главному празднику года, сунул мне несколько бумажек. Я не глядя запихал их одну за другой в кошелек, несколько раз повторив «спасибо». Дед вытащил из одного буфета древнюю вафельницу со смесью для приготовления вафель, а из другого – пластиковую бутылку кленового сиропа.

Так прошло мое первое Рождество без мамы.

* * *

С лета я еще немного подрос, но продолжал носить старую одежду. В парикмахерскую тоже не заглядывал. Честно говоря, меня совершенно не волновал мой внешний вид до тех пор, пока не пришлось идти в новую школу.

В городке имелось одно начальное, одно младшее среднее и одно старшее среднее учебное заведение. Адрес у них был общий. Картина сложилась примерно такая же, как дома – точнее, в том месте, которое я привык считать своим домом. Как и в моей прежней частной школе, здешние дети знали друг друга всю или почти всю свою жизнь. В таких коллективах к новеньким относятся с недоверием, пока они не превращаются в друзей или изгоев. Я знал это и раньше, но именно сейчас впервые прочувствовал на собственной шкуре.

Футболки сидели на мне нормально, чего нельзя было сказать о джинсах. Обувь стала такой тесной, что большие пальцы приходилось поджимать. Рукава куртки и джемперов не доходили до запястий. Я растянул трикотажные манжеты так, что они превратились в огромные вислогубые пасти.

Я продолжал носить часы с широким ремешком и резиновые браслеты, радуясь, что в новой школе они не запрещены. Учителя сразу записали меня в малолетние преступники и не давали поблажек замкнутому и, возможно, психически неуравновешенному новичку, одетому не по росту, полгода не стриженному и не желавшему работать на уроках.

Дети в большинстве своем воспринимали меня так же, как и преподаватели.

В классе я садился туда, куда мне велели, и по возможности старался ничего не делать. На перемене расхаживал вдоль стены, глядя в пол. Если меня обзывали или «случайно» толкали, не обращал внимания. Иногда, конечно, мне хотелось ответить. Вспоминались хоккейные матчи, когда я запросто размазывал по акриловому бортику того, кто ударил товарища по команде или что-то не то сморозил. Стоя же не на льду, а на твердой земле, я мог сломать обидчику нос или вывихнуть плечо, прежде чем тот успел бы опомниться.

Но тогда все бы поняли, что мне не насрать на их оскорбления. Поэтому я не реагировал.

В столовой я сидел за столиком для отверженных вместе с двумя другими парнями из моего класса, Риком и Бойсом, и семиклассницей Перл. Плюхнувшись на свое место, она принималась читать, пряча за книгой очки и всклокоченную копну темных волос. Соседи по столу не были расположены со мной беседовать, но они, по крайней мере, не обзывались и не швырялись едой, так что я мог молча прожевать свой обед, а после сидеть с карандашом и блокнотом, который теперь всегда носил с собой. Держать его в ящике раздевалки было ненадежно. Комбинации цифр, открывавшие замки, считались секретными, но узнать чужой код мог кто угодно.

Когда наступил мой четырнадцатый день рождения, позади остались две учебные недели в новой школе. Предстояло вытерпеть еще четыре месяца. Осенью я переходил в старшие классы, но не надеялся, что мое положение изменится к лучшему. Иногда я стоял на покосившемся заднем крыльце дедушкиного дома, смотрел на воду и думал, сколько человеку нужно времени, чтобы утонуть, и какие при этом бывают ощущения.

Как и в Рождество, я проснулся, не рассчитывая на подарки. Я вообще не был уверен, что про мой день рождения вспомнят, и твердо решил никому о нем не напоминать.

Приоткрыв дверь своей кладовки, я уловил запах жареного мяса и корицы. Чаще всего отец с дедом уходили раньше, чем я вставал. Я вылезал из своего кокона, шел в ванную, которая была у нас одна на троих, потом отправлялся в школу. В январе на побережье становилось прохладно, но я привык к совсем другой зиме. На мой вопрос о том, идет ли здесь снег, дедушка расхохотался и ответил: «Раз в сто лет – обязательно. Смотри не проморгай!»

Я скучал по зимнему пейзажу за окном. Зато теперь мне не приходилось пробираться по слежавшимся сугробам, мерзнуть на пронизывающем ветру и постоянно утирать слезы, набегающие на глаза, чтобы защитить их от мороза.

Отца дома не было, но дедушка хлопотал на кухне: раскладывал по двум тарелкам гренки и нарезанные сосиски. Обычно я завтракал хлопьями с холодным молоком или разогревал в микроволновке готовую овсянку. Поэтому

при виде такой роскоши я, едва пробормотав сонное «спасибо», сразу же схватил вилку и принялся за дело.

– Думаю, сегодня мы с тобой немного потратимся, – сказал дед. Я оторвал глаза от тарелки, продолжая жевать тост. – В этих коротких штанах ты смахиваешь на пугало. Или у вас, молодежи, такая мода? Я в этом ни черта не понимаю.

Он приподнял одну бровь и выжидающе посмотрел на меня. Я покачал головой, сообразив, что сегодня четверг.

– Школа...

Дед махнул рукой:

– Подумаешь! Один денек они там вполне без тебя обойдутся. – («Они вообще прекрасно без меня обойдутся», – подумал я.) – Звякну и скажу, что ты приболел. И мы с тобой прибарахлимся. – Несколько секунд мы молча ели, потом он добавил: – Может, хочешь еще и постричься по случаю дня рождения?

Я снова покачал головой, сдержав улыбку. Дедушка страдальчески вздохнул и, потрогав свою голову с остатками серебристой растительности, сказал:

– Ну и правильно. Будь у меня волосы, я бы тоже ими щеголял.

Мы вернулись из магазина с несколькими парами поношенных джинсов и брюк, выдавшими виды кроссовками и ковбойскими ботинками, а также выцветшим черным джемпером с капюшоном. Ни одно из наших приобретений не стоило больше пяти баксов, но все пришлось мне впору.

В наше отсутствие отец вернулся домой и снова ушел, оставив на моей кровати маленький чемоданчик с набором угольных карандашей разной твердости, двумя стерками, наждачным бруском и точилкой. Чемоданчик я узнал: он был мамин. Под ним лежала упаковка хорошей плотной бумаги: такие листы мама давала мне для рисунков, которые я хотел повесить на стену.

Я вынул из рюкзака свой потрепанный блокнот и открыл его на странице, где была нарисована чайка, сидящая на дедушкиной лодке. Оставшуюся часть

своего дня рождения я провел, пробуя новые карандаши на этом наброске. Я повторил его и наложил штрих так, что птица вышла немного зловещей. Мне даже вспомнилось стихотворение Эдгара По, которое мы проходили осенью, когда я только вышел в школу после похорон.

Там ворон мучил парня, который сходил с ума из-за того, что потерял любимого человека. Все должны были написать сочинение по этому стихотворению, но ко мне подошла учительница и, сверля меня глазами, сказала: «Ты можешь выбрать другое произведение», – хотя я не просил ее заменить задание.

Я выбрал стихи Эмили Дикинсон о равновесии хорошего и плохого в нашей жизни. Я прожил тринадцать счастливых лет. Неужели теперь, чтобы за них расплатиться, я должен вытерпеть еще тринадцать горьких?

Лукас

Через неделю или две после начала занятий посещаемость лекций начинает падать, особенно если курс объемный, такой как история или экономика. Этот семестр не стал исключением. В те дни, на которые не была заранее назначена самостоятельная или контрольная, в аудитории появлялись пустые места. Но Джеки (как и ее кавалер – мне пришлось это нехотя признать) не пропускала занятий. Пока не настала девятая неделя.

На фоне безупречной посещаемости в предыдущие два месяца первый пропуск выглядел неожиданным, а второй, последовавший сразу за первым, – неслучайным.

Дома, решив немного передохнуть от занятий, я проверил статус Кеннеди Мура в социальной сети. Теперь он преподносил себя как свободного человека. Джеки свой профиль вообще удалила или временно деактивировала.

Черт возьми! Да они расстались!

Откровенно радуясь разрыву чужих отношений, я чувствовал себя полным дерьмом, но угрызения совести не помешали мне сделать еще один логический

шаг: если Джеки стала пропускать лекции, то, может быть, она подумывает бросить экономику? Тогда она уже не будет считаться моей студенткой!

Когда его бывшая девушка не пришла в третий раз, Мур уже в открытую зафлиртовал с однокурсницами, которые неделями увивались вокруг него. Пришло время промежуточной аттестации. Джеки пропустила и ее. Я заглядывал в систему, ожидая сообщения о том, что миз Уоллес отказывается от курса экономики, но ничего такого не появлялось. Если студент передумал ходить на занятия и не заявил об этом официально до конца месяца, он автоматически получал по предмету F.

Это, конечно же, меня не касалось, и все-таки я не хотел, чтобы Джеки испортила себе диплом, вдобавок к тому, что мог отмочить Мур, разорвав трехлетние отношения. Целую неделю я разглядывал всех девушек, отдаленно напоминавших ее, и каждый раз это была не она. Я уже начал бояться, что никогда больше не увижу Джеки Уоллес.

Фрэнсис смерил меня негодующим взглядом, когда я согнал его с жужжащего телефона. Звонил Джозеф – штатный сотрудник университетской техслужбы. Время от времени он подбрасывал мне дополнительную работу. Иногда она оформлялась официально, а иногда нет, но я не привередничал и соглашался в любом случае.

– Привет, старина.

– Чува-а-ак, ты как сегодня... что делаешь? – промычал Джозеф.

Я покачал головой: «Опять обдолбанный». Мой знакомый любил побаловаться «веществами», особенно если ему удавалось неплохо подзаработать у какого-нибудь щедрого профессора, замотавшегося администратора или заказчика, который сам был не прочь «полетать».

– Занимаюсь. А что?

Воспользовавшись тем, что я отвлекся, Фрэнсис накрыл своей мохнатой двадцатифунтовой тушей мой учебник и полтетради с конспектами. Я преспокойно его стряхнул. Он отомстил мне, сбросив с дивана мою ручку.

– В пятницу вечером? Чувак, завязывай с этим! – Джозеф не одобрял чрезмерного усердия в работе и учебе и, видимо, считал своим долгом периодически мне об этом напоминать, хотя и знал, что я неисправим. – Ты жить вообще собираешься?

– Обязательно, – пообещал я. – Когда закончу университет.

Тяжело вздохнув, Джозеф перешел к цели своего звонка:

– У меня к тебе... предложение.

Если я и мог назвать кого-то своим закадычным другом, то им, пожалуй, стал Джозеф, что было, наверное, довольно странно, поскольку нас объединяли всего две вещи: почти одинаковые музыкальные вкусы и непреодолимое стремление делить все вокруг на разряды и категории.

Прошлой весной он заметил меня на концерте. Без церемоний подошел и протянул руку:

– Привет, я Джозеф Дилл. Ты, часом, не в кампусе работаешь?

– Да, в кампусе...

Пока мы жали друг другу руки, я пытался определить, кто он такой. На моем курсе не учился. Для преподавателя, пожалуй, молод. Может, кто-нибудь из старших студентов Хеллера?

– Университетский коп, верно?

Джозеф произнес это без вызова, но и особого уважения в его голосе я тоже не расслышал. Чертова работа! Давно бы бросил ее, не покрывай зарплата при десятичасовой занятости почти половину стоимости моего обучения.

– Э-э-э... Не совсем, – ответил я. – Просто выписываю квитанции на парковке. Совмещаю с учебой, но эту идиотскую форму все равно приходится носить.

– А-а... – протянул Джозеф, окидывая меня оценивающим взглядом, – так ты студент...

Несмотря на малую площадь кампуса, студенты редко общаются с теми, кто отвечает за хозяйственную часть. Джозеф перешел эту границу.

– Техслужба, – весело сказал он, тыча пальцем себе в грудь. – Может, по пивку? Обсудим, почему такие клевые ребята, как мы, ходят на концерты в одиночку?

Я улыбнулся, но мне вдруг пришло в голову, что новому знакомому, вероятно, нужна от меня не только беседа. Мой внутренний радар, настроенный на геев, подавал отчаянные сигналы.

– Тебе ведь уже можно пить? – спросил Джозеф.

– Ну да...

Я сказал себе, что ничего особенного в нынешней ситуации нет. Не сложнее, чем отшить девушку, если она не нравится или нет настроения, а уж в этом я за три года натренировался.

– Вот и классно.

Заплатив за две бутылки пива, Джозеф открыл их, передал одну мне и задумчиво отпил из своей. Я осторожно поблагодарил за угощение. Не хотелось отбивать человека, пока он не дал для этого повод. Между тем Джозеф пришел в своих размышлениях к какому-то выводу и, поковыряв наклейку на бутылке, заговорил:

– Мой бойфренд играет в мюзиклах. Но, черт возьми, лучше мне удирать от стада голодных зомби, чем еще раз смотреть «Богему»[6 - «Богема» («Rent») – рок-мюзикл Джонатана Ларсона, созданный по мотивам оперы Джакомо Пуччини.]. Он, слава богу, и без меня всегда найдет, с кем пойти на это дерьмо. А мои музыкальные вкусы, знаешь ли, мало кто разделяет в нашем кругу.

При этих словах Джозеф испытующе на меня посмотрел. Я облегченно вздохнул и улыбнулся: да, этот чувак уместнее выглядел бы в байкерском баре, чем на

бродвейском шоу. В памяти всплыла полузабытая картинка: отец неловко застыл возле мамы на одном из ее вернисажей. Шампанскому, которое шипело у него в бокале, он всегда предпочитал виски со льдом, а искусству – спортивные матчи по телевизору. Но он любил маму и поддерживал ее.

– Не то чтобы знаю, но могу себе представить, – ответил я.

Рот Джозефа растянулся в улыбке. С тех пор мы дружили. И так, теперь у него было ко мне какое-то предложение.

– Ладно, – сказал я. – Выкладывай.

– Ты ведь это... шарьш в починке кондиционеров?

– Ага.

В последний год учебы в школе я подрабатывал в фирме «Хендриксон электрик». Ездил со своим старым боссом на профилактические и аварийные вызовы, но мне никогда не приходилось самостоятельно определять причину поломки. Прощаясь со мной, Хендриксон так охарактеризовал мой уровень владения ремеслом: «Теперь ты знаешь о кондиционерах достаточно, чтобы натворить бед».

– Тогда выручай. У меня тут срочный вызов в общагу, а я совсем забыл, что уже занят. К тому же я... не в форме.

– Да неужели?

– Угу. Мне никак нельзя управлять тяжелым транспортом. Типа моего грузовика.

– Что верно, то верно.

– Если возьмешься, внакладе не останешься. Мне за вечерние вызовы платят сверхурочные. Ты получаешь бабки, меня не увольняют – всем хорошо!

Честно говоря, мне не улыбалось ехать в общагу и ковыряться в электроприборе, который я не факт что смогу починить. Приятнее было спокойно посидеть дома.

– Э-э... У меня нет нужных инструментов...

– Заходи ко мне, возьми мой грузовик. Там в ящике все есть. Удостоверение эти тупицы у тебя не попросят. Им нужно только, чтобы кондиционер работал. Чего им так приспичило, я не знаю. На улице вроде не жарко. Наверно, у них вечеринка или что-то такое.

Я вздохнул. Мне не хотелось, чтобы Джозеф в таком состоянии сел за руль и попал в аварию или вылетел с работы за явку на вызов обдолбанным. Да и от дополнительного заработка я всегда старался не отказываться.

– О'кей, старик. Когда ехать?

– Хм... Сейчас.

По телефону Джозеф умолчал о том, что мне придется надеть форменную рубашку с его именем, вышитым на груди темно-синими нитками.

– Может, у них закончился фреон или неполадки с проводкой, – предположил он, хлопнув меня по плечу и сунув мне в руки ключи от своего грузовика. – Будут проблемы – звони. Я ведь под кайфом, а не в коме.

Все оказалось именно так, как обещал Джозеф: в общаге наметилась тусовка, и никто даже глазом не моргнул, когда я явился в униформе с чужого плеча. Один из ребят мне открыл и показал, что при включении кондиционера температура в помещении не менялась. Дело действительно оказалось в проводке. Устройство прослужило уже двадцать лет, и работать ему осталось недолго, но на какое-то время его можно было реанимировать.

– Ну слава богу! – Диджей, вице-президент «братишек», с облегчением вздохнул и прикрыл глаза. – Мы так запарились с этой вечеринкой! На завтра обещали нормальную погоду, но фиг его знает, как будет на самом деле?

– Конечно, – согласился я, складывая инструменты в коробку.

– Спасибо, что приехал, Джозеф.

– Всегда пожалуйста, – откликнулся я чуть позже, чем надо, поскольку не сразу сообразил, что разговаривают со мной.

На пороге Диджей протянул мне сложенную двадцатидолларовую бумажку. Я отмахнулся:

– Не надо, старик, я за это получаю зарплату.

Настоящий Джозеф платил мне пятьдесят баксов за час работы, а дополнительно рисковать я не хотел. Диджей на секунду нахмурился: видимо, не привык, чтобы «синий воротничок»[7 - «Синие воротнички» – наемные работники, занимающиеся преимущественно физическим трудом и противопоставляемые «белым воротничкам».] отказывался от чаевых.

– Ну раз так, то, может, придешь на вечеринку? Завтра мы празднуем Хеллоуин.

«Оно и видно», – подумал я. Все вокруг было увешано искусственной паутиной и черными лампочками. Мебель в самой большой комнате расставили вдоль стен, чтобы освободить в середине место для танцев.

– Формально это тусовка для студентов, но те, кто не член нашего общества, тоже допускаются. По возрасту ты подходишь, так что заглядывай к нам, если будешь свободен.

С трудом сдержав усмешку, я сказал:

– Спасибо, обязательно.

А про себя подумал: «Спасибо, ни за что».

Но тут в дальнем конце холла показались два парня, одним из которых был Кеннеди Мур. До меня вдруг дошло: он из этих «братишек». Значит, Джеки тоже может прийти на вечеринку, даже если они расстались.

Черт! Похоже было, что я приду.

* * *

Я заметил Джеки, как только она вошла. Я долго не терял ее из виду, несмотря на темноту и толпешник. На ней было блестящее красное платье. На макушке торчали острые рожки, тоже красные. С пояса свисал раздвоенный хвост, раскачивавшийся при ходьбе и во время танцев.

Гладкие голые ноги Джеки казались длиннее. Как подсказало мне знание геометрии, этот эффект был создан при помощи короткой юбки и красных туфель на невероятно высоких каблуках. Но никакая математика не смогла притупить моих чувств, когда я снова увидел Джеки Уоллес, да еще в таком умопомрачительном наряде. Судя по числу желавших потанцевать с ней, ее прикид подействовал не только на меня. Но она либо не понимала, что заводит парней, либо не хотела понимать. В девяти случаях из десяти она отрицательно мотала головой.

От своего бывшего (они с Муром поссорились – теперь я в этом не сомневался) Джеки держалась подальше. Они стали как два полюса: он ухлестывал за девицами в одном конце комнаты, а она старалась не замечать его из другого угла.

Я придумал и тут же отбросил по меньшей мере двадцать фраз для начала разговора:

«Привет, я видел тебя на лекциях по экономике! Кстати, ты перестала на них ходить. Надеюсь, ты решила их бросить, и я могу с чистой совестью тебя куда-нибудь пригласить». Блестяще. И она, конечно же, не отшатнется от меня, как от психа.

«Теперь красный – мой любимый цвет». Пошло.

«Я могу за десять секунд извлечь квадратный корень из любого числа. Например, из номера твоего телефона». Еще хуже.

«Впервые в жизни мне отчаянно хочется пойти к черту». Нет.

«Здесь просто жарко или дело в тебе?» О господи! Нет!

А на танцполе какая-то бухая парочка развлекала всех до нелепости откровенными па. За битый час я впервые увидел, как Джеки улыбнулась. Вдруг мне закрыла обзор девчонка с кошачьими ушками и нарисованными усами. Она возникла прямо передо мной и посмотрела на меня поверх своего бокала. Когда я вопросительно приподнял бровь, спросила:

– Мы не встречались на экономике?

Один из танцоров налетел на нее, и содержимое стакана плеснуло ей в лицо. Она пошатнулась, но я вовремя придержал ее за руку. Обернувшись, «кошка» завизжала:

– Смотри, куда прешь, дура!

Хотя толкнул ее парень, а девушка была ни при чем.

Когда мордашка с нарисованными усиками снова уставилась на меня, уродливый оскал бесследно испарился. «Кошка» мило улыбалась, как будто за последние десять секунд ничего не произошло. Мне стало не по себе.

– Так о чем я говорила? – Она бочком подошла ко мне еще ближе, и я выпустил ее руку. – Ах да, экономика. С этим... как его?

Пока собеседница щелкала пальцами, пытаюсь вспомнить фамилию своего преподавателя, я смотрел поверх ее головы на Джеки, которая танцевала с парнем в длинном черном плаще. Она что-то сказала, он рассмеялся, показав длинные пластиковые клыки. Сегодня в общаге собралось человек шесть вампиров.

– Мистер Келлер – так его зовут? – проговорила «кошка».

– Доктор Хеллер.

Девушка снова улыбнулась:

– Да-да, он самый. – Она ткнула мне в грудь ногтем в серебристых блестках. – Ты сидишь на последнем ряду. И не слушаешь. Ай-ай-ай...

Ура! Появился повод выпутаться из этого разговора.

– Вообще-то, я исполняю обязанности ассистента кафедры экономики.

– Чего-чего?

Бог мой! Я стиснул зубы и уставился в пол.

– Я помощник преподавателя.

– Упс...

«Кошка» назвала свое имя, которое я тут же забыл, и разразилась гневным монологом в адрес девчонки, что ее якобы толкнула. Я не знал обеих и совершенно не интересовался их кровной враждой. Наверняка они поругались либо из-за парня, либо из-за шмоток. В любом случае мне было наплевать.

Когда я снова отыскал взглядом Джеки, она уже закинула на плечо свою сумку и направлялась к задней двери, которая вела на парковку, общую для нескольких корпусов. Я, конечно, никого не выслеживал, но все-таки именно ради Джеки пришел на эту вечеринку. После ее ухода мне нечего было здесь делать. Хорошо, что я не попытался заговорить или потанцевать с ней: теперь я мог, не привлекая внимания, просто выйти следом и направиться домой.

Только вот мотоцикл я втиснул между двумя машинами перед главным входом. Поэтому уходить через запасной было не совсем логично.

Парень-вампир тоже направился к задней двери. Он бросил плащ на спинку стула, а клыки выплюнул и сунул в карман. Вымелся сразу после Джеки – не суетливо, но и не прогулочным шагом. Мне показалось, что он целенаправленно шел куда-то. Или к кому-то.

Лэндон

«Миссис Салли Ингрэм» – гласила надпись, вытравленная черным на блестящей медной табличке. Имя звучало приятно, да и сама хозяйка кабинета произвела на меня впечатление довольно милой женщины, когда как директор школы выступила перед нами на общеобязательном вводном собрании. Я видел ее издалека. Но внешность оказалась обманчивой.

Я, сгорбившись, уселся на жесткий виниловый стул перед массивным директорским столом. Это был целый деревянный бастион, сооруженный, очевидно, для защиты его владелицы от резких движений собеседника. Я даже не представлял, как такую громадину протиснули в дверь. Наверное, по частям – иначе она застряла бы.

Миссис Ингрэм неторопливо перебирала бумаги, как будто я не сидел перед ней в ожидании ответа на вопрос, почему меня вызвали в первый же день моей учебы в старшей школе. Очки были сдвинуты на кончик носа – как у моего отца, когда он разбирал или перепроверял счета (единственная привычка из прошлой жизни, сохранившаяся у него за восемь месяцев после переезда).

Поначалу у них с дедушкой шли споры и взаимные обвинения: папа возмущался дедовой безалаберностью по части планирования работы и ведения документации рыболовного предприятия, которое кормило его тридцать лет, – а этот последний факт был уже дедушкиным коронным аргументом. Наконец стороны пришли к соглашению, и отец взял финансовые вопросы на себя. Записывая цифры в бухгалтерскую книгу или перенося их оттуда в свой ноутбук, он мог обронить крепкое словцо и иногда, сбросив очки, так яростно теребил переносицу, что я удивлялся, как у него не пойдет от этого кровь. Новая отцовская «контора» состояла из буфета, с трудом уместившегося в коридорчике между кухней и гостиной. Вместо посуды на полках лежали грессбухи. С потолка свисала голая лампочка. Папино рабочее место в вашингтонском офисе или у нас дома, в Александрии, выглядело несколько иначе...

Миссис Ингрэм прокашлялась и, сняв очки, уставилась на меня. Глаза у нее были змеиные: маленькие, как бусины, темные, близко посаженные. Мне захотелось нарисовать ее в образе дракона, который хищным взглядом парализует жертву.

Это был мой первый учебный день. Я еще не сделал ничего такого, что могло разозлить директора. Я вообще не собирался никого злить. Просто хотел, чтобы меня оставили в покое, и до сих пор, как правило, этого добивался.

– Лэндон Максфилд. – Директриса произнесла последнее слово так, будто боялась испачкаться.

Я сощурился, не сумев скрыть своих чувств: мне не нравилось, когда кто бы то ни было выказывал пренебрежение к фамилии деда.

Миссис Ингрэм оперлась на локти и сложила пальцы пирамидкой.

– Я слышана о вас и решила, что нам пора познакомиться, поскольку теперь вы находитесь в моем доме.

Я озадаченно моргнул: «Она обо мне слышана? Откуда? Кто и что ей наговорил?»

– Как видите, печальная слава о ваших первых успехах в стенах этого образцового учебного заведения опережает вас. – Она невозмутимо постукивала кончиками пальцев, как будто у нас с ней текла безобидная вводная беседа. – Как директор школы я имею правило отслеживать все возможные... дефекты, прежде чем они распространятся в среде учащихся. Это, если позволите, превентивная мера. Я понятно выражаюсь?

Миссис Ингрэм насмешливо улыбнулась, едва приподняв уголки плотно сомкнутых губ. Не иначе, она ждала, что я не пойму из ее монолога ни единого слова. Но она не учла, какую школу я посещал до недавнего времени и какими родителями воспитывался. К сожалению, я понял все, что она сказала и о чем подумала. В ушах у меня застучало, и я впился ногтями себе в ладони, подавляя слезы обиды. С глазами на мокром месте я бы выглядел слабаком.

– То есть вы считаете, что я... порчу других учеников?

Эти слова царапнули мне горло, выдав то, что я пытался скрыть. Но директриса, похоже, не обратила внимания на мой дрогнувший голос. Она была слишком удивлена: ее руки опустились на стол, а глаза расширились, не утратив при этом

своего сходства с бусинами. Я в жизни не видел такой жуткой тетки.

– Давайте не будем торопить события, мистер Максфилд. Я лишь хотела убедиться, что вам знакомо понятие нулевой толерантности.

Я стиснул зубы. Директриса поднялась со своего кресла. Я тоже встал: мне не хотелось, чтобы она смотрела на меня сверху вниз.

– Просто соблюдайте правила, пока находитесь в моем доме... Иначе заработаете пинок под зад и вылетите пулей, мистер.

Мне угрожали исключением в первый же день учебы? Я решил больше не показывать директрисе, что я понял, а чего – нет. Она была из тех людей, которые сначала стреляют, потом спрашивают. А то и вовсе обходятся без вопросов.

Я коротко кивнул, и мне позволили удалиться.

Со смерти моей мамы прошло триста тридцать девять дней.

Мне чудилось, что пролетели годы. Или часы.

Лукас

Я стоял неподвижно и смотрел на заднюю дверь. Мой рассудок боролся с желанием, которое казалось непреодолимым.

Возможно, это был мой единственный шанс поговорить с Джеки Уоллес. С тех пор как она перестала ходить на экономику, я ни разу ее не видел – ни в кампусе, ни за его пределами.

Но что, черт возьми, я мог ей сказать?

К тому же возник этот парень, который вышел следом за ней. Она его явно знала. Возможно, они решили встретиться подальше от любопытных глаз. Может быть, он, как и я, ждал удобного случая и, в отличие от меня, воспользовался им, не тратя времени на бессмысленные душевные метания.

А может, она просто решила уйти пораньше, и он тоже. Обычное совпадение.

Может быть, я теряю драгоценные секунды, стоя столбом?

Бездействие взбесило моего внутреннего подростка: «Хорош страдать фигней! Иди за ней и скажи что-нибудь! Что угодно, черт подери!»

Сперва я решил представиться Джеки как ассистент преподавателя по экономике: заметил, дескать, что она пропустила несколько лекций и промежуточный зачет, но официально не отказалась от курса... И поэтому выследил ее ночью на парковке? Мне повезет, если я не получу коленом в пах, прежде чем успею объяснить.

Так или иначе, у Джеки осталось три дня на то, чтобы вычеркнуть себя из списка. Значит, я мог хотя бы помешать ей испортить диплом. При этой мысли я наконец-то отклеился от стены, заткнув на полуслове полупьяную курицу, которая считала, что у нас с ней завязалась беседа.

Шагая к задней двери, я говорил себе: если увижу, что Джеки Уоллес болтает или занимается чем-то похуже с этим тупицей-вампиром, – обогну здание, сяду на мотоцикл и забуду о ее существовании.

Ну конечно! Все картины, которые ты целых девять недель себе рисовал, просто возьмут и сами собой растворятся. Жди!

Заткнись.

Выйдя на крыльцо, я испугался, что уже упустил ее из виду. На ночь было объявлено штормовое предупреждение. Сильный ветер сбивал облака в кучу, и тени, густея, поглощали немногочисленные островки света. Я не заметил бы Джеки, не зажгись вдруг экран ее телефона. Она направлялась в дальний конец стоянки, петляя между припаркованными машинами, и на ходу набирала кому-то

сообщение. Между нами маячила фигура дружка-вампира, который откровенно шел за ней по пятам. Этот идиот не окликнул ее – хотел, наверное, выскочить из ниоткуда и напугать девчонку до потери памяти.

Я глубоко вздохнул, скатился по ступенькам и медленно пошел в сторону Джеки, готовый в любой момент повернуть.

Процентов на девяносто пять я был уверен, что мне не стоило приходить на эту вечеринку.

Дойдя до последнего ряда, Джеки открыла дверцу грузовичка с блестящим темным кузовом. Интересно. Я не представлял ее за рулем пикапа. Скорее мог бы подумать, что она ездит на маленькой спортивной машине или компактном хетчбэке. Приятель-вампир подошел к ней. Распахнутая дверца заслонила обоих. Я толком не видел их, да и не хотел любоваться чужими засосами.

Пора было поворачивать. Но мне не давало покоя то, что вампир, приближаясь к Джеки, ее не окликнул. В лучшем случае он просто любил пугать женщин на безлюдных парковках. В худшем...

Она вскрикнула. Всего один раз. И тут же умолкла.

Я замер. А через секунду побежал.

В последние три-четыре года я редко давал волю своему темпераменту, поскольку слишком хорошо знал, каковы могут быть последствия. Но я слетел с катушек, когда увидел, как этот тип всей тушей придавил Джеки к сиденью грузовичка, а она плакала и просила его прекратить. Никакие доводы рассудка не помешали бы тому, что теперь должно было произойти, если бы я не унялся.

А униматься я не собирался.

Схватив урода за рубашку обеими руками, я выдернул его из грузовичка. Он был пьян. Напившись до такого состояния, дебилы начинают казаться себе крутыми: «Я просто супер! Сяду за руль, и никаких проблем!» Промычать слово или два он еще мог, но дать отпор свидетелю его скотства – нет.

Я знал, что делал.

Я собирался его убить, оставив мысли о последствиях на потом. Я относился к этому не как к идее или предположению, а как к решенному делу. Для меня он был уже покойником.

Мои первые два удара оказались для него полнейшей неожиданностью. Он застыл с запрокинутой головой. Как это так? Хищник в считанные секунды превратился в жертву!

Дерись со мной, мразь! Ну! Дай мне сдачи!

Наконец он махнул кулаком в футе от моей головы и потерял равновесие. Я врезал ему еще дважды, почувствовав, как руки разогрелись от хлынувшего в кровь адреналина. Узкая полоска лунного света скользнула по рядам машин, и я на миг различил черно-белую картинку: из носа этой скотины хлынула темная струя. «Давай-давай, истекай кровью!» – с наслаждением подумал я.

Утершись рукавом, он уставился на расплывшееся по ткани пятно, а потом набычился и рванулся вперед.

Апперкот правой в подбородок, удар левым локтем в череп – и негодяй рухнул с разинутым ртом. Он до того отупел от спиртного, что даже не попытался убежать. Ударившись о кузов грузовичка, он повалился на меня. Я схватил его за плечи и так засветил коленом в челюсть, что чуть не вытряхнул ему остатки мозгов. И он еще легко отделался, ведь я мог схватить его и за горло.

Он упал, закинув руки за голову и подтянув колени к груди. «Ну же, подымайся! Вставай, черт подери!» – мысленно повторял я, наклоняясь, чтобы поднять его и снова сбить с ног. Но в этот момент сквозь красный туман в моем мозгу пробился слабый звук.

Я поднял глаза и посмотрел в грузовичок: Джеки съежилась в дальнем конце кузова. Ее грудь подымалась и опускалась от частого и мелкого дыхания. В позе и взгляде этого смертельно напуганного существа читалась ненависть и к тому, кто лежал на асфальте, и, вероятно, ко мне. Готов поклясться, что я, хоть это было невозможно, слышал ее сердцебиение и чувствовал запах ее страха. Мои руки были в крови. Я медленно вытер их о джинсы и шагнул к пикапу, стараясь

не делать резких движений.

У нее не дрогнул ни единый мускул. Она только посмотрела на меня расширенными глазами.

– Ты в порядке? – Это были первые слова, сказанные мною девушке, на которую я неделями смотрел, которую рисовал, о которой мечтал.

Она не ответила и даже не кивнула. Шок. Она была в состоянии шока. Очень медленно вынув из кармана телефон, я сказал:

– Сейчас наберу девять-один-один.

Ответа снова не последовало. Прежде чем звонить, я спросил, нужна ли ей медицинская помощь или вызвать только полицию. Я ведь не знал, что он успел натворить, пока я бежал через парковку. Брюки были на месте, хотя и расстегнутые, но можно надеть бед и руками. Меня снова чуть не накрыло красной пеленой. Мне захотелось, чтобы он сдох, а не просто скулил и корчился у моих ног.

– Не звони, – проговорила Джеки так тихо, что я с трудом ее расслышал.

Сначала я подумал, что она отказывалась от «скорой», но ей не была нужна и полиция. Я удивленно спросил:

– По-моему, этот гад только что пытался тебя изнасиловать, и ты не хочешь вызвать полицию? – Она вздрогнула. Мне захотелось вытащить ее из машины и встряхнуть. – Или, может быть, я зря вас побеспокоил?

Провалиться бы мне со своей горячностью! Черт бы ее побрал! Зачем я это сказал?!

Ее глаза заблестели от слез, и мне захотелось врезать себе по губам. Я заставил себя дышать медленнее: нужно было успокоиться. Ради нее. Только ради нее.

Она покачала головой и сказала, что просто хочет домой. Мой мозг выдал сотню доводов против, но я приехал в кампус не вчера и догадывался, чем обернется

дело: «братишки» встанут за мерзавца стеной и кто-нибудь из них под присягой заявит, будто Джеки пошла с ним по собственной воле. Она окажется презренной тварью, пытавшейся навредить студенческому союзу, в котором состоит ее бывший. Ее объявят лгуньей, провокаторшей и шлюхой. Администрация университета захочет все замять. Поскольку изнасилование не состоялось, показания потерпевшей сочтут неубедительными. Подонки отделаются предупреждением, а она превратится в изгоя.

Я мог бы выступить свидетелем. Но однажды, еще в школе, я угодил в полицию за драку, а теперь вот размазал по асфальту этого негодяя. Ловкий адвокат добьется, чтобы меня самого арестовали за нападение, и тогда мои показания обратятся в ничто.

Говнюк зашевелился и прорычал какое-то ругательство. Я расправил плечи и медленно задышал: вдох – выдох, вдох – выдох, – сдерживая себя, чтобы не раздавить ему каблуком башку, а ботинок у меня будь здоров. Из этой сволочи вытекло слишком мало крови, чтобы насытить моего внутреннего зверя.

Хотя дело оставалось за малым.

Я сосредоточился на дыхании Джеки – слабом, в едином ритме с моим. Она дрожала, но не плакала. Пока. Не знаю, что бы я сделал при виде ее слез.

– Ладно. Я тебя отвезу.

Не успел я договорить, как она отказалась.

Сколько еще потрясений выпадет на мою долю? Похоже, придется выяснить.

Теперь вот я должен был позволить ей уехать одной. Ладно. Я наклонился и поднял ключи, которые вместе с другими вещами валялись на полу. Сумка лежала опрокинутая – наверно, упала, когда этот урод втолкнул Джеки в машину.

С ума сойти! Впервые в жизни мне захотелось очутиться под градом ударов: я нуждался в предлоге, любом предлоге, чтобы его прикончить.

Рывком подавшись ко мне, Джеки потянулась за ключами. Я посмотрел на ее тонкие пальцы. Те самые пальцы, которые два месяца разглядывал издали. Сейчас они дрожали.

– Тебе нельзя ехать одной, – возразил я.

Это ее смутило, и я поспешил выложить свои аргументы: во-первых, трясущиеся руки – уже серьезная причина не садиться за руль. Во-вторых, я все-таки не был уверен, что ей не нужна медицинская помощь. В-третьих, она, наверное, выпила, хотя я не видел ее ни с бокалом, ни с бутылкой. Джеки нахмурилась и негодующе ответила:

– Я не пила! Сегодня я должна быть за рулем, чтобы развезти ребят по домам.

Я не должен был оглядываться через плечо и спрашивать, где же эти самые ребята, которых она развозит. Не должен был упрекать ее – пусть даже справедливо – за то, что она шла через парковку одна и не смотрела по сторонам. И уж мне всяко нельзя было намекать, что она повела себя безответственно, так как этим я сделал бы ее виноватой в случившемся. Всего этого я не должен был говорить, но почему-то сказал. Хотя и знал, кто виноват на самом деле. Тот, кто окровавленной тушей валялся у меня под ногами и стонал так, будто рассчитывал на наше участие.

– То есть это моя вина, что он на меня напал? – яростно выпалила Джеки. – Что мне от общаги до машины нельзя дойти, чтобы кто-нибудь из вас не попытался меня изнасиловать?

Кто-нибудь из вас.

– Кто-нибудь из вас? По-твоему, я то же самое, что этот кусок дерьма? – Я указал на парня, которого пару минут назад уложил на обе лопатки, и почувствовал сильнейшее негодование, мгновенно вскипевшее внутри, как реактив в пробирке. – У меня с ним нет ничего общего.

Я почти физически почувствовал, как эти мои слова, неприязненные слова уязвленного самолюбия, повисли между мной и Джеки. Ее взгляд скользнул по моим губам – и по лабрету. Я заметил, что она сглотнула страх, скрывая его.

Я злился не на нее. И бояться она должна была не меня, но я сам настраивал ее против себя.

Джеки снова протянула руку и попросила ключи. Голос у нее дрожал, но глаза решительно смотрели мне в лицо. Я не ожидал увидеть столько смелости во взгляде девушки, на которую только что напали. Я был для нее очередным мужчиной, который пытался заставить ее сделать что-то, чего она делать не хотела.

Кто-нибудь из вас...

Она ошибалась, но не во всем. Чувство, охватившее меня при этой мысли, было не из приятных.

– Ты живешь здесь, в кампусе? – спросил я ласково, как она и заслуживала.

Право выбора оставалось за ней. То, что я ее спас, не давало мне оснований ей указывать. Я должен был отпустить ее одну, даже если очень не хотел. И все-таки я еще раз осторожно попросил:

– Давай я тебя довезу, а потом вернусь сюда пешком и уеду к себе.

К моему огромному облегчению, Джеки кивнула. Она принялась собирать с пола грузовичка свои вещи, я бросился помогать. Меня кольнула неоправданная ревность, когда я подобрал упакованный презерватив.

Джеки отдернула руку, как будто я протянул ей скорпиона, а не безобидный целлофановый квадратик, и сказала, что это не ее.

Значит, он все продумал до мелочей? Хотел добиться своего, не оставив улики?

Не оборачиваться! Не смотреть на него!

Проигнорировав доводы рассудка, я оглянулся проверить, лежит ли эта дрянь по-прежнему на земле. Лежит. Наверное, я что-то пробормотал о его намерении выйти сухим из воды. Мне стало жаль, что Джеки отказалась вызвать полицию: такие детали могли счесть доказательством осознанности и преднамеренности

его действий. Не знаю, сказал ли я это вслух. Может, и сказал, но она не ответила. Я сунул презерватив в карман, на миг задумавшись, прожует ли измельчитель бумаги резину. Дома я собирался провести этот опыт.

И представить себе эту вещь надетой на того, кто ее обронил.

Я забрался в грузовичок, захлопнул дверцу и включил зажигание.

– Точно не хочешь вызвать полицию?

Я был убежден, что Джеки должна решить сама, и тем не менее спросил еще раз. С минуту она молча смотрела через лобовое стекло на освещенные окна общаги, где шла вечеринка, а потом ответила:

– Точно.

Я кивнул и дал задний ход. Фары осветили обидчика Джеки. То, что он от меня получил, казалось мне пустяком. Я с трудом заставил себя выехать со стоянки, вместо того чтобы рвануть вперед и расплющить его колесами.

Я впервые за долгие годы ощущал себя таким кровожадным.

Не отрывая глаз от дороги, я изображал спокойствие, чтобы и вправду остыть. По моему опыту, этот прием работал, хотя и медленно. На перекрестке я спросил, к какому общежитию ехать, и, получив ответ, повернул направо. Теперь, когда все было позади, ее дрожащий голос стал совсем слабым.

Я старался, чтобы мое присутствие было максимально ненавязчивым, и только краем глаза посматривал на Джеки, пока она пыталась взять себя в руки. Вся она сжалась, как от холода, хотя ночь была до неприличия теплой для октября. По ее телу волнами пробегала дрожь: так оно освобождалось от напряжения, а рассудок пытался переварить недавнюю опасность.

Я хотел протянуть руку и дотронуться до Джеки, но не сделал этого.

Все могло бы кончиться намного, намного хуже.

Но я ни за что ей об этом не скажу.

Припарковавшись возле общежития, я запер машину, передал Джеки ключи и прошел вместе с ней к боковому входу. Ее все еще трясло, и мне было нелегко совладать со своими руками: очень хотелось обнять ее и утешить, но сейчас она вряд ли обрадовалась бы прикосновению незнакомца. Для меня она успела стать неповторимой и прекрасной, а я был для нее чужим.

Она даже не знала, как меня зовут.

Догадавшись, что Джеки будет трудно трясущимися руками просунуть карточку в паз пропускного устройства, я вызвался помочь. Может быть, проводить ее прямо до комнаты? Или это покажется ей новой угрозой? То, что Джеки не побоялась подпустить меня к порогу своего общежития, уже было чудом.

Передавая мне карточку, она бросила взгляд на костяшки моих пальцев и охнула:

– Господи! Да ты поранился!

Нет, это в основном его кровь.

Тоже мне утешение!

Я вернул карточку и посмотрел Джеки в лицо. Сейчас оно было ярко освещено потолочным плафоном. Позволив взгляду то, чего не мог разрешить рукам, я обвел им дорожки от слез и ободки расплывшейся туши. Мне хотелось разгладить подушечками пальцев тревожную складку на лбу этой девушки, прижать ее к груди и успокоить своим сердцебиением.

– Ты точно в порядке?

Глаза Джеки тут же снова повлажнели. Я сжал кулаки. Не трогать ее!

– Да, все нормально, – сказала она, отводя взгляд.

Врушка!

О том, что с ней произошло, она могла рассказать подруге. Соседке по комнате. Тому, кого знала и кому доверяла. Я понимал, что у меня не было оснований претендовать на доверие Джеки. Я выполнил свою задачу и мог жалеть только о том, что не сделал лучше. Быстрее. Я не сразу пошел за Джеки. Теперь это казалось мне непростительным.

Я спросил, не нужно ли позвать к ней кого-нибудь. Может, соседку. Она покачала головой и просочилась в дверь, постаравшись не прикоснуться ко мне даже краем одежды. Еще одно подтверждение тому, насколько чужим я был.

Я смотрел, как она поднималась по лестнице, постукивая каблуками по плиткам. Блестящий раздвоенный «хвост» нелепо вихлялся, сама она словно одеревенела. Рожки давно потерялись.

– Джеки! – Я окликнул ее осторожно, чтобы не напугать. Она обернулась, взявшись за перила, и вопросительно на меня посмотрела. – Ты ни в чем не виновата.

Джеки закусила губу, сдерживая нахлынувшие чувства, и кивнула. А потом, перехватив перила, заспешила вверх. Я развернулся и вышел. В тот момент я даже не сомневался: эта короткая фраза – последнее, что мне суждено было сказать Джеки Уоллес.

Пожалуй, я выбрал правильные слова для прощания.

Глава 7

Лэндон

Бойс Уинн, с которым мы раньше сидели за столом для отверженных, стал моим наказанием. Правда, скажи я ему такое, он вряд ли бы понял и, скорее всего, приложил бы к обещанию размазать меня по стенке какое-нибудь ругательство.

То есть сделал бы то же самое, что и в ответ на мое молчание.

Что бы ни утверждали взрослые, ты только подливаешь масла в огонь, отвечая на оскорбления словами, когда не можешь ударить: доставала видит, что сумел тебя задеть. Я не собирался развлекать Уинна словесной перепалкой. Директриса пообещала мне «нулевую толерантность», а он вполне мог осуществить ее угрозу насчет «пинка под зад», которым должно было сопровождаться мое отчисление. Этот угрюмый верзила постоянно отирался среди ребят из выпускного класса: они его терпели, потому что, по слухам, он приторговывал бухлом, наркотой и крадеными запчастями. Тем, кто был старше, Уинн не угрожал. Он гнобил только тех, кого считал мелкими и слабыми.

Например, меня.

Места в столовой не закреплялись за старшеклассниками. Заплатив за обед, нужно было очень быстро решить, куда сесть. Последствия неудачного выбора могли оказаться плачевными.

В плохую погоду изгой вроде меня ели за столиками во дворе, а в хорошую, наоборот, оставались в помещении, предоставляя греться на солнышке жлобам вроде Кларка Ричардса (младшего сына предпринимателя, которого мой дед ненавидел) и оторвам вроде его блондинистой подружки Мелоди Доувер.

Ненастные дни выдавались редко. Иногда, конечно, мог пойти дождь или град, порой поднимался сильный ветер или объявляли о возможном торнадо. Но чаще бывало тепло и солнечно, даже зимой. Поэтому обычно мне приходилось обедать в закрытом помещении. Я старался найти безопасное место в конце стола, где не было никого из компании Ричардса или Уинна.

Но если кому-нибудь хотелось поразвлечься, меня находили, несмотря на все мои ухищрения.

Пример первый. Чужой поднос с едой легко «задеть» так, что он перелетит через стол и шмякнется на пол, забрызгав все вокруг. Фокус проделывается с непроницаемым видом, не обязательно даже замедлять шаг.

Узнав это на собственном опыте, я начал брать вместо горячих блюд на подносе воду в бутылках и сомнительной свежести сэндвичи, завернутые в фольгу.

Пример второй. Не знаю, кто изобрел раздевалки со шкафчиками, но только идиоту придет в голову нагромоздить железобетонные конструкции в несколько рядов, которые заслоняют от учителя все, что происходит за ними. Однажды из моей ячейки пропали поношенные кеды и камуфляжные штаны. Я не настолько спятил, чтобы назвать имена воров. Поэтому тренер лишь предложил мне подыскать себе какую-нибудь одежонку в корзине с забытыми вещами. Несло из нее так, будто там кто-то умер и теперь разлагался.

На следующем уроке от меня в буквальном смысле несло дерьмом. Все девчонки морщили носы и пересаживались от меня подальше, а пацаны острили: «Ты воняешь, Максфилд! Скажи своему хозяину, чтобы почаще окатывал тебя из шланга!» – и так далее.

Дома я поспешно сбросил вонючие обноски и сжег их после того, как чуть не сварился под горячим душем.

Заняв у отца пять баксов, я попросил деда по новой сходить со мной в секонд-хенд. Там я откопал почти новые кроссовки, которые стоили семь долларов.

– Смотри, я знаю, где ты живешь, – сказал дедушка, протягивая мне недостающую двушку.

После этого случая я перестал переодеваться перед физкультурой. Тренер Питерсон объявлял мне выговоры, пока не плюнул, поняв, что это бессмысленно.

Уинна мне приходилось терпеть на трех предметах: физкультуре, географии и автомеханике.

– Марш мыть руки! – гаркнул мистер Сильва.

У него был громоподобный голос, заглушавший и шум моторов, и звяканье металлических инструментов, и музыку в стиле кантри, и разговоры, которые обычно сводились к следующим темам: 1) машины и их отдельные части; 2) девушки и их отдельные части.

Болтовня эта была сравнительно невинной, хотя все население городка во главе с мамашами моих одноклассников грозило вымыть нам рты абразивным

мылом, при помощи которого мы оттирали от рук машинное масло и копоть.

Я прекрасно понимал, что пацаны просто трепались, но иногда их слова казались мне не просто оборотами речи. Некоторые фразы звучали для меня напоминанием о том кошмаре, который я всячески старался забыть. Стоя в очереди к умывальнику, я сжал перепачканные руки в кулаки, когда услышал позади себя разговор с участием Уинна:

– Чувак, у нее буфера как арбузы!

Содрогнувшись от его гнусного мычания, я представил себе жест, который он при этом сделал.

– Да, я бы с ней перепихнулся, – оба друга загоготали, – да только она не дает.

– Пока не дает, Томпсон, пока. Я ее быстро научу.

Я пялился прямо перед собой. По краям поле зрения уже застилал туман.

– Ща-а-с! Жди! Да ты днем с огнем не отыщешь телку, которая с тобой переспит!

– А при чем тут, на фиг, день? Этим занимаются ночью, чувак! В темноте она будет умолять, чтобы я не останавливался!

Томпсон усмехнулся:

– Seriously, братан, не такая уж она шепутная. На тебя точно не клюнет.

– Ну, тогда я ее изнасилую...

Не успев сообразить, что со мной происходит, я развернулся, и мой кулак впечатался в челюсть Бойса Уинна. Тот откинул голову и выпучил от неожиданности глаза. Я инстинктивно понял, что останавливаться поздно, но пацаны уже обступили нас, и их возбужденные крики «Бей! Вали его!» меня как будто парализовали. Уинн, наоборот, всем телом подался вперед, готовясь повалить меня на цементный пол.

Однако не успели мы шевельнуться, как между нами с Бойсом возник Сильва. Он схватил нас обоих за руки выше локтя и обездвижил.

– Какого черта вы творите, придурки?! Соревнуетесь, кого быстрее отчислят? – Я продолжал смотреть на Уинна, а он отвечал мне взглядом, в котором ясно читалось желание убить. Кровь тонкой струйкой текла из его разбитой губы. – Что тут у вас произошло, Уинн? – рявкнул Сильва, встряхнув Бойса со всей мощностью, на какую способны разъяренные двести пятьдесят фунтов живого веса.

Уинн сощурился, не сводя с меня глаз, но, вместо того чтобы воспользоваться возможностью отомстить, пожал плечами, изображая равнодушие:

– Ничего, мистер Сильва. Все нормально.

Сильва перевел грозный взгляд на меня. Бойс медленно поднял свободную руку и вытер кровь тыльной стороной ладони. От избытка адреналина по мне пробежала дрожь.

– А ты что скажешь, Максфилд? Что это было? Отвечай!

Я покачал головой и повторил слова Уинна:

– Ничего. Все нормально.

Заскрежетав зубами, Сильва воззрился на потолок, как будто надеялся, что рифленые панели разверзнутся и оттуда высунется сам Господь Бог, который укажет, какой каре нас подвергнуть. Не дождавшись ответа свыше, учитель еще раз рванул меня и Бойса за руки, чуть не выдернув их из суставов.

– Никаких. Разборок. В моей. Мастерской. Вам ясно, мужчины? – Последнее слово Сильва произнес, как плюнул, дав понять, что считал нас кем угодно, только не мужчинами. Мы кивнули, но он не ослабил хватки. – Может, мне Бадю рассказать?

Уинн замотал головой, вытаращив глаза. Я не знал, кто такой этот Бад, но он явно держал в страхе парня, которого боялась вся школа.

Прозвенел звонок, и мои одноклассники запоздало бросились к огромным алюминиевым раковинам. Сильва отпустил нас с Бойсом, скрестил могучие руки на мускулистой груди и проводил нас буравящим взглядом, который чувствовался затылком. Я взял рюкзак и направился к боковой двери, а Уинн с двумя друзьями вышел через переднюю.

Как я и подозревал, этим дело не закончилось.

* * *

Те, кто не уехал из городка на Рождество, стали свидетелями беспрецедентного события: улицы, курортные отели с пальмами и пляж с лодками накрыло пятнадцатисантиметровым слоем снега.

В Александрии зима начиналась в декабре и продолжалась до марта. Все это время мы терпели неожиданные ливни, слякоть под ногами и периодические снегопады. Сугробы, собиравшиеся по углам парковок, постепенно таяли и становились серыми, если их вовремя не сгребали бульдозерами в грузовики и не вывозили за город. К февралю всех уже мутило от необходимости мерзнуть на холодном ветру, соскребать наледь с лобового стекла, расчищать дорожки и просыпаться под рев снегоуборочной техники.

А здесь снег если и выпадал, то в виде легкого напыления. Слой, поддававшийся измерению, внушал благоговейный трепет, а шесть дюймов и вовсе предстали чудом. Люди охали и ахали, качали головами. Дети лепили снеговиков, надев на руки носки (перчаток и варежек не было ни у кого), и делали «ангелов», лежа на снегу и ездя по нему руками.

Чтобы окончательно испортить нам настроение сразу после каникул, учительница географии, миссис Дюмон, придумала для нас командный проект.

– В свете нашего рождественского чуда мы должны чудесно и поработать. Нам предстоит изучить последствия климатического сдвига для людей и окружающей среды.

На втором уроке первого учебного дня полугодия ее бодрый тон звучал неуместно. Возвращению в школу никто не радовался, и после двух недель сна и

ничего неделанья нас было не расшевелить наигранным педагогическим энтузиазмом.

– Прежде чем приступить к делу и выяснить, как люди приспосабливаются к неожиданным климатическим изменениям, мы разобьемся на пары. Я пушу по классу шапку, из которой каждый вытянет букву.

Миссис Дюмон расплылась в улыбке, как будто мысль о том, что напарников выберет случай, могла подсластить пилюлю. Мы дружно застонали. Она же, ничуть не смутившись, пустила по рядам перевернутую бейсболку со школьной эмблемой (как ни странно, это была рыба). Мелоди Доувер, сидевшая за первой партой, вытащила полоску бумаги и передала кепку дальше. Я сидел в конце того же ряда. Когда настала моя очередь, я вытянул привычную для себя букву F.

Бейсболка обошла весь класс, и Дюмон скомандовала, перекрывая гул:

– Теперь те, кому достались одинаковые буквы, садятся вместе. Так вы проведете три недели, а по окончании этого срока каждая пара защитит свой проект перед всем классом!

Такая перспектива меня не грела. Когда прошлой весной мне поручили сделать доклад, я отказался. Устные выступления стали моим больным местом: я не мог говорить на публике сам, и мне было больно смотреть на чужие попытки.

Я уже подумывал подняться с места и выйти за дверь, когда с противоположного конца класса послышалось:

– О'кей, красотули, у кого F?

Я замер: Бойс. Уинн. Черт бы его побрал.

Он встал и принялся выхватывать бумажки у всех подряд, желая опознать напарника.

– У тебя F? У кого эта гребаная F?

Географичка нахмурилась:

– Мистер Уинн!

Бойс пожал плечами:

– Не могу найти моего напарника, миссис Дюмон. – Он посмотрел на Мелоди, и глаза у него заблестели. – Это ты?

Мелоди покачала головой и презрительно усмехнулась. Уинн выхватил у нее бумажку, но она тут же ее отняла, вздернула подбородок и отрезала:

– Нет. Я с Кларком.

Кларк, ухажер Мелоди, уже сидел рядом с ней. Им даже не пришлось пересаживаться. Значит, мне достался проклятый Бойс Уинн, а мистеру Кларку Ричардсу – его собственная симпатичная подружка. Ничего удивительного.

– Нет, нет, нет! Так не пойдет! – встрепелась учительница, уставившись на Мелоди. – Вы не можете работать со своим... э-э... другом. Мне бы хотелось, чтобы в нашей общественной среде тоже произошли некоторые сдвиги. Устроим, так сказать, миграционную диффузию. – Пока все пытались переварить последние слова миссис Дюмон, она отдала Уинну бумажку Мелоди, а Мелоди – бумажку Уинна. – Ну вот. Теперь, Кларк, вы будете работать с Бойсом. Секундочку, сейчас я раздам распечатки.

Очевидно, она решила, что листок с заданием смягчит досаду бычка, которому вместо телки подсунули бугая.

– Да какого... – Кларк осекся. – Почему мы с Мел не можем работать вместе?

Миссис Дюмон мило улыбнулась, похлопала его по плечу и, проигнорировав вопрос, завела прежнюю песню:

– Так кому же досталась буква F?

Я чуть приподнял руку и тут же оказался под прицелом четырех пар глаз. Улыбнулась только миссис Дюмон:

– Идите сюда, Лэндон. Ближайшие три недели вы будете сидеть на месте Кларка.

Лицо Ричардса перекосилось так, будто училка сказала, что ближайшие три недели я буду спать с его подружкой.

– Вот это облом, Ричардс!

Сказав это, Бойс взглядом пригвоздил меня к стене. То, что я невольно оказался в паре с чужой девушкой, не сулило мне ничего хорошего. Я закинул на плечо рюкзак и поплелся по проходу с таким видом, словно меня приговорили к смертельной инъекции, а не попросили сесть с клевой девчонкой, которая однажды мне даже приснилась.

Пока Дюмон раздавала листки, моя новая соседка достала тетрадь на спирали и приготовилась разделить наши обязанности: проведя по краю учебника, как по линейке, жирную черту посреди страницы, она написала «Мелоди» слева, «Лэндон» – справа и подчеркнула оба слова.

– Могу нарисовать карты, – тихо предложил я.

Мелоди выпрямилась, как аршин проглотила, и поджала губки. Я ее раздражал. Супер.

Начав печатными буквами писать под моим именем слово «карты», она вдруг остановилась и подняла на меня большие светло-зеленые глаза:

– А ты... умеешь рисовать? Если нет, то я лучше сама.

Я ответил ей не менее пристальным взглядом:

– Да.

Не дождавшись от меня более развернутого ответа, она закатила глаза и пробормотала:

– Хорошо. Мне нужна приличная оценка.

Мы обменялись номерами телефонов и адресами, хотя Мелоди ясно дала понять, что готова встречаться со мной только в школе или в родительском доме: претенциозный особняк Доуверов находился неподалеку от дедушкиного дома, тоже на побережье.

– Ах да, Максфилд. Кларк говорил... – Мелоди вдруг замолчала, вероятно заметив, как я помрачнел.

Кларк был сыном Джона Ричардса, крупнейшего в нашем городке строителя жилых кварталов и курортных комплексов. Несколько лет назад он донимал деда, чтобы тот продал свою «шикарную» недвижимость на первой береговой линии. Конфликт достиг апогея, когда Ричардс, по дедовым словам, попытался уговорить муниципальные власти воспользоваться правом на принудительное отчуждение частной собственности: дескать, лачуга Максфилда уродует город, а его рыболовецкий промысел – лишь прикрытие для темных делишек. Прямо на заседании городского совета дед сказал, куда Ричардс может засунуть свою кляuzu. С тех пор как финансовую сторону семейного бизнеса взял на себя мой отец, попытки запугать деда прекратились, но враждебность по отношению к нам только окрепла.

В том, что Мелоди осеклась и кашлянула, можно было усмотреть известную деликатность.

– Хм... В общем, позвони мне вечером, когда я вернусь с танцев.

Танцы. Интересно, что такие девчонки, как Мелоди, надевают в танцкласс? Мое воображение мигом нарисовало несколько интересных картинок. Я покрутил резиновый браслет на запястье.

– ...кей.

– Часов в восемь?

– ...кей, – повторил я.

Мелоди закатила глаза. Опять. Едва прозвенел звонок, она бросилась к своему Кларку. Закидывая руку ей на плечо, он послал мне уничтожающий взгляд. Проходя мимо моей парты следом за ним, Бойс толкнул меня, заставив снова сесть.

– Ты, урод, – прорычал он, – если дотронешься до нее, Ричардс тебя прикончит.

До сих пор я и не собирался прикасаться к Мелоди, но теперь, как ни странно, мне этого захотелось.

Лукас

За четыре часа сна мой мозг перезагрузился. Во всяком случае, ко мне вернулась назойливая мысль, которая напрочь вылетела у меня из головы в субботу вечером: если Джеки не хочет заработать F по экономике, она должна вычеркнуть себя из списка, и на это у нее был ровно один день. Послезавтра перестанут принимать заявления.

Вероятность встретить ее сегодня была крайне мала. Оставалось одно: я мог написать ей как ассистент преподавателя и вежливо напомнить о необходимости отказаться от занятий по экономике: «Уважаемый студент! Вероятно, Вы забыли сделать кое-что очень важное...»

Правда, до сих пор никто в кампусе не получал таких зловещих посланий. Администрация университета не рассылала индивидуальных предупреждений – по крайней мере, подобного рода. Вся важная информация выкладывалась на сайтах кафедр или пряталась в окнах, которые студент, регистрируясь в системе, обычно пролистывает не читая и жмет на кнопку «Принять условия».

Повсеместно считалось, что учащиеся высшего учебного заведения в состоянии самостоятельно следить за своим графиком. Потому что они взрослые люди. Формально.

Миз Уоллес,

я ассистирую доктору Хеллеру в преподавании курса «Введение в экономику», который Вы перестали посещать – об этом свидетельствуют записи в журнале, а также тот факт, что Вы не присутствовали на промежуточной аттестации. В связи с этим я хочу напомнить Вам о том, что в случае прекращения посещения занятий студенты не исключаются из списка автоматически: необходимо самостоятельно заявить об отказе от курса. На сайте университета Вы найдете формы заявления и инструкции по их заполнению. Ссылки приложены ниже.

Обращаю Ваше внимание на то, что срок исключения учащихся из списков истекает ЗАВТРА.

С уважением,

Л. Максфилд

Я нажал «Сохранить» и захлопнул ноутбук, решив отправить письмо позднее, когда добавлю ссылки. Перед парой нужно было еще заскочить в «Старбакс» и сдать продленную санитарную карточку, без которой меня не допустили бы до вечерней смены. А Джеки, наверное, уже ушла на какие-нибудь утренние занятия. Но ничего страшного, время еще было.

– Привет, Лукас, – сказала Гвен, стирая с прилавка маленькую капельку кофе. По утрам понедельника эта девушка имела обыкновение улыбаться так, как не умел никто из моих знакомых. По крайней мере, не Ив (еще одна сотрудница «Старбакса», за которой я вообще не замечал улыбок). – Ты не раздумал подменить меня вечером?

Я кивнул, беря чашку кофе:

– Приду сразу после семинара. Он заканчивается в два.

– Ты просто прелесть! – просияла она, идя за мной в контору. – Я вернусь, как обещала, и ты успеешь на свою лабораторку.

Невольно улыбнувшись в ответ, я достал с полки свою папку. Нужно было вложить в файл ксерокопию карточки и оставить соответствующую записку менеджеру.

– Надо найти тебе девушку, – выпалила Гвен ни с того ни с сего.

Я чуть не подавился кофе. Она постучала мне по спине. Вновь обретя дар речи, я промямлил:

– Э-э... Спасибо, но у меня и так все в порядке.

Поведя белесой бровью, Гвен без слов дала понять, что думала об этом моем заявлении.

– Ты хороший парень, Лукас. – Наверно, у меня на лице возникла тень сомнения, и Гвен покачала головой. – Поверь, я крупный специалист по выявлению подонков. Ты к этой категории не относишься.

* * *

Кеннеди Мур, как всегда, был в центре внимания. Смеялся, понятия не имея о тех чувствах, что двумя днями раньше пережила девушка, с которой он три года встречался. Вероятно, он даже дружил с тем, о ком я подумать не мог без того, чтобы не успокаивать себя заклинаниями из тхеквондо.

Я сел на свое место в последнем ряду и вытащил книгу (на следующей паре предстоял тест, и мне нужно было подготовиться). В ожидании момента, когда Хеллер войдет, а Мур и компания сядут и заткнутся, я яростно черкал на полях: интересно, что думали о моих художествах люди, к которым учебники попадали после меня? Чаще всего я просто рассеянно чертил бессмысленные узоры. Иногда рисовал то, о чем говорилось в тексте, и редко, очень редко, – лица и части человеческого тела.

Хеллер, вошедший в аудиторию через переднюю дверь, вывел меня из ленивой задумчивости. С тех пор как Джеки перестала бывать на лекциях, они казались мне особенно скучными. Материал я знал вдоль и поперек. Шутки и анекдоты Хеллера – тоже. То, что он оживлял занятия историями из личного опыта, было

просто здорово, но меня они, мягко говоря, перестали забавлять, поскольку я слушал их уже по четвертому кругу.

– Подождем, пока все не сядут, и начнем, – сказал Чарльз.

Насколько я мог видеть со своего наблюдательного пункта на верхотуре, все уже сидели, но Хеллер явно к кому-то обращался...

О господи! Я выпучил глаза. Ничего другого мне не оставалось – только таращиться.

В нескольких футах от меня, у задней двери, стояла Джеки. Щеки у нее порозовели, расширенные глаза смотрели на Хеллера. Через секунду ее как будто подтолкнули: она побежала вниз по ступенькам и, спустившись на три ряда, села на свободное место. Единственное, если не считать того, что было рядом со мной.

Может быть, она не заметила его. Или меня.

Может, заметила.

Но зачем она вообще пришла?

Хорошо, что раньше я уже трижды прослушал лекцию, и моя неспособность сосредоточиться на словах Хеллера не должна была отразиться на семинаре. Я слышал только невнятные звуки и видел на доске какие-то линии. Похоже было, что Джеки улавливала не многим больше, хотя ее невнимание, наверное, было совсем другого рода, нежели мой шок от нашей неожиданной встречи. Чтобы не смотреть все время в затылок своему бывшему кавалеру, она отрешенно глазела то на доску (даже если Хеллер ничего не чертил), то на страницу спиральной тетради, на которой за целую лекцию так и не появилось ни одной строчки.

«Она пришла сказать, что бросает курс», – решил я, наконец-то успокоившись. Конечно, она принесла заявление. Не успела поговорить с Хеллером до начала занятия и теперь ждет, когда он освободится, чтобы подписать бумагу. После лекции, как будто подтверждая мою догадку, она направилась к кафедре (а Мур прошествовал по центральному проходу, даже не заметив ее). Обменявшись с

Хеллером несколькими приглушенными фразами, Джеки подождала, когда он ответит на вопросы двух других студентов, а после вышла из аудитории следом за ним.

По идее, теперь я мог расслабиться: отпала необходимость брать на себя ответственность за нее и отправлять письмо.

Но я лишился и возможности видеть Джеки.

Откуда взялось у меня это чувство, будто я, позволив ей уйти из моей жизни, потеряю что-то невозполнимое?

Но вместо ответа рождался другой вопрос: «А разве у меня есть выбор?»

* * *

Как и на вечеринке у «братишек», я заметил Джеки, как только она вошла. В ней скрывалась тайная сила, на которую я немедленно отзывался всем существом. Удивившись силе этого магнитного поля, я задумался, чувствую ли его в одиночку или она тоже ощущает притяжение, постепенно продвигаясь в очереди к моему месту за стойкой.

С ней была симпатичная рыжеволосая девушка, чье лицо показалось мне смутно знакомым. Они вместе приехали на вечеринку: Джеки в красном костюме чертика, а подружка – наряженной волком, который состоял из мохнатых ушей, пушистого хвоста, облегающего трико и... старушечьих очков на кончике носа. Я обратил на нее внимание, когда к ней подбежал какой-то парень (в джинсах и красной накидке с капюшоном, но без рубашки), подхватил ее на руки и буквально вынес на танцпол.

В дождливые дни на переменах никому не хотелось покидать кампус, и в нашем «Старбаксе» наступал аншлаг: очередь огибала обе витрины, обвивалась вокруг столиков, все места за которыми были заняты, и исчезала где-то у дверей. В ближайшее время рассчитывать на отдых не приходилось. Зевать было некогда, и все-таки я отвлекался: с каждым шагом Джеки подходила ко мне на дюйм ближе.

Ее подружка выглянула из-за спин, оценила очередь и, видимо, решила, что стоять бессмысленно. Я подумал, что они обе уйдут, но рыженькая приобняла Джеки и вышла из кафетерия одна.

Джеки не заметила меня. Похоже, она вообще ни на чем не сосредотачивалась и просто блуждала взглядом по лицам или рассеянно смотрела в окно. Ее губы сложились в печальную прямую линию, разительную не похожую на ту улыбку, которую я по памяти перенес в свой блокнот, когда шел дождь. Сейчас мне было больно смотреть на Джеки. Казалось, что мое сердце отзывалось на ее состояние, вместо того чтобы выполнять свое основное предназначение: поддерживать во мне жизнь. Она достала телефон и пару минут просматривала не то сообщения, не то Интернет. Потом снова принялась бесцельно озираться, мелкими шажками продвигаясь вперед за высоким парнем, который закрыл меня от нее, и я был ему благодарен. Я по наитию понял, что если Джеки поднимет глаза и увидит меня, то развернется и уйдет.

Наконец этот парень сделал заказ, расплатился и перешел к стойке выдачи.

– Следующий, – мягко сказал я, отвлекая Джеки от раздумий.

Ее губы разомкнулись, но те слова, которые она хотела сказать, какими бы они ни были, так и не прозвучали. К щекам прихлынула кровь. Я посмотрел ей в глаза. Теперь, с близкого расстояния, стало заметно, что они слегка покраснели, как будто Джеки недавно плакала. Но ведь не из-за Хеллера? Тот, бывало, обходился со студентами очень круто, но я не мог представить, чтобы он довел до слез девушку, которая всего-навсего бросила его курс.

Мое сердце, привязанное к сердцу Джеки, сжалось. Для нее я всегда буду ассоциироваться с событиями той ночи, и с этим ничего не поделаешь. Я пугаю ее или только вызываю тяжелые воспоминания – так или иначе, ей неприятно меня видеть. И как я мог ее упрекнуть?

Девушка, стоявшая следующей, нетерпеливо кашлянула.

– Будете что-нибудь заказывать? – Этим вопросом я вернул Джеки в сегодняшний день.

Мне хотелось, чтобы она прочла мои мысли: «Все закончилось. Мы уже не там, и здесь его нет».

Джеки ответила измененным глухим голосом, но я все понял, записал заказ на стакане вместе с именем и передал Ив. Мне вдруг пришло в голову, что в субботу ночью я назвал ее Джеки, хотя мы не были знакомы. После этого уже не стоило изображать внезапную забывчивость.

Подняв глаза, я увидел, что она смотрит на мою правую руку, обмотанную тонким слоем бинта. Как я тогда и сказал, кровь на мне принадлежала в основном тому уроду. Но не только ему. Дома, приводя себя в порядок, я понял, до чего же здорово ему врезал, раз ухитрился содрать кожу с костяшек обоих кулаков. Я обрадовался при виде ссадин. Они подтверждали, что я дал подонку хороший отпор. Он неспроста повалился и не скоро поднялся.

Я пробил заказ Джеки, и она протянула мне карточку – ту самую, которую я взял у нее, чтобы открыть дверь общежития. Улыбающаяся девушка под слоем прозрачного пластика была мало похожа на настоящую Джеки, какой я видел ее в последние дни.

– Как дела? Все в порядке?

Только произнеся эти слова, я понял, что она может усмотреть в них скрытый смысл. Вот черт.

– Да, все нормально.

Голос Джеки все еще дрожал. Когда я передавал ей карту и чек, пальцы нечаянно задела ее руку. Джеки отпрянула, как от огня. Я вспомнил, как позапрошлой ночью она старательно маневрировала, чтобы не дотронуться до меня в дверях.

Она боялась прикоснуться только ко мне или к мужчинам вообще?

Я хотел быть тем, кому она позволила бы себя утешить. От меня она получила бы заботу и уважение, которых не видела ни от неудавшегося насильника, ни, честно говоря, от своего бывшего.

Но я не мог стать таковым, и мечтать об этом было идиотизмом.

– Спасибо, – сказала она, посмотрев на меня смущенно и настороженно.

Девушка, стоявшая за Джеки, подошла к ней чуть не вплотную и выкрикнула свой заказ из-за ее плеча, не дождавшись моего вопроса. Под таким напором Джеки быстро стушеввалась: сейчас ей был неприятен любой телесный контакт.

Осадив нетерпеливую клиентку, я принял у нее заказ и напомнил себе, что я был на работе, где дел невпроворот, и, как бы мне ни хотелось, чтобы все эти люди исчезли, приходилось терпеть.

Я еще раз встретился с Джеки взглядом, прежде чем ее поглотила толпа у стойки выдачи, где Ив блистала своим мастерством, с потрясающей скоростью принимая и передавая чашки и злобно щурясь, если кто-нибудь ее дергал. Забрав свой кофе, Джеки ушла, даже не обернувшись. Я же задался мыслью, сколько еще буду смотреть ей в спину и думать, что вижу ее в последний раз.

Глава 8

Лэндон

День начался фигово, а продолжение оказалось еще хуже: промозглым утром выйдя из дому, на полпути в школу, я угодил в грозу, хотя синоптики не обещали ничего подобного. Воздух был вязок, и одежда сперва висела на мне теплыми и сырыми пластами, но в следующую минуту налетели тучи, и до самой школы меня поливало как из ведра.

Ворвавшись в двойные двери, я проклял себя за то, что не повернул домой, как только начался ливень. Даже нырни я в океан в одежде и обуви, я бы и то не вымок сильнее. С волос капало, как из неисправного крана. С джемпера и джинсов текли ручьи, в кедах хлюпало. При ходьбе они противно скрипели.

Черт бы побрал мою глупость и, да-да, мое неукротимое желание пойти в школу, возникшее впервые за последние полтора года по милости Мелоди Доувер.

Первые две недели мы вместе работали над нашим проектом в школе после уроков. «Вместе» в данном случае означало «сидя рядом». Мы почти не разговаривали, в чем, конечно, была виновата не только она.

Телефон у меня был, а компьютера не было, поэтому Мелоди написала в своей колонке: «PowerPoint». Пока мы порознь читали о типах климата и их географическом распределении, я начал набрасывать карты, а она накачала картинок из Интернета. В конце концов мы должны были объединиться, чтобы написать общий текст и подготовить презентацию.

Накануне Мелоди с явной неохотой пригласила меня к себе домой. Перед тем как идти, я принял душ и переоделся. Холодный сухой ветер с залива трепал страницы блокнота с набросками карт, норовя вырвать мою работу из рук, разметать ее в клочья и швырнуть в воду. Волосы моментально сбились чуть не в колтун. Я надвинул капюшон и, съежившись, пошел вдоль пляжа: блокнот под мышкой, руки в карманах. В этот момент я ненавидел миссис Дюмон вместе с Мелоди Доувер и тем гадом, который сделал географию обязательным предметом в девятом классе.

Мелоди встретила меня в розовых тренировочных штанах и махровых белых носках.

– Привет. Хочешь колы или еще чего-нибудь?

Не дождавшись ответа, она закрыла за мной дверь и направилась вглубь дома. Я пошел за ней, удивленно поведя бровью при виде слова «pink»[8 - Розовый (англ.)], непонятно зачем крупно вышитого у нее на заднице. Пялясь на стройные, плавно покачивающиеся бедра хозяйки, я прошел по коридору на кухню, которая оказалась не меньше, чем все жилище моего деда. Мелоди нагнулась, чтобы взять с нижней полки огромного холодильника две банки газировки. Я замер, с чего-то вдруг очень полюбив слово «pink».

Подведя меня к гранитной столешнице и протянув мне жестянку, Мелоди поместила свой идеальный зад на обтянутый кожей высокий стул. Дождавшись приглашения, я сел на соседний и, пока она открывала свой ноутбук, попытался

сосредоточиться. Сейчас география интересовала меня даже меньше, чем обычно, хотя до сих пор я считал, что это уже невозможно.

Мелоди что-то говорила, но я ничего не понимал. Наверное, ветер выдул мне последние мозги. Или дело было в слове «pink».

– Лондон?

– А?

– Давай посмотрим на твои карты, – предложила она тоном, в котором можно было расслышать что угодно, только не радостное нетерпение. Я открыл блокнот, и у нее отвисла челюсть: – Боже мой!

– Что такое?

Взмахнув ресницами, Мелоди перевернула лист.

– Вау! Да ты... художник? – Я облегченно вздохнул и пожал плечами. Мелоди открыла следующую страницу. – Боже мой! – повторила она. – Как здорово! А это крошечные человечки? И деревья? Ух ты!

Медленно пролистав все карты и дойдя до конца, Мелоди сделала то, чего я не ожидал: открыла самую первую страницу. Я потянулся за блокнотом. Мне не хотелось грубо вырывать его из рук, но и показывать рисунки, которые до сих пор никто не видел, я тоже боялся.

– Хм... Карт больше нет...

Мелоди приоткрыла рот и покачала головой, как будто не верила глазам. Чувствуя, что лицо у меня горит, я следил за движениями ее пальцев, перелистывавших страницы: вот чайка чистит перья, а вот дедушка спит в своем любимом кресле.

Я опустил руку и стал ждать. Наконец Мелоди просмотрела все рисунки и вернулась к первой карте.

– Нарисуй и меня.

Я моргнул и кашлянул, а она слегка покраснела.

– Э-э... Конечно.

– Кто это? – спросил женский голос, напугавший нас обоих.

Мы отпрянули друг от друга, и я чуть не свалился со стула. Мелоди на секунду стиснула зубы, но тон ее был сама кротость:

– Это Лэндон, мама. Мы с ним работаем над проектом по географии.

Миссис Доувер оглядела меня, и я сразу застеснялся своей поношенной одежды, растрепанных волос, дешевых часов на одной руке и выцветшей серой банданы, которую повязывал на другую.

– Вот как? – Миссис Доувер вскинула брови и снова перевела на Мелоди такие же, как у той, светло-зеленые глаза. – Я думала, ты ходишь на географию с Кларком.

– Миссис Дюмон сама назначила напарников, – сказала Мелоди с легким намеком на вызов и в то же время как бы оправдываясь: я, мол, не виновата, что оказалась с ним в паре.

– Хм... Ну хорошо. Я буду напротив, у себя в кабинете. Дай знать, если что-то понадобится.

Миссис Доувер быстро развернулась и исчезла в дверном проеме, который был виден с наших мест. Мелоди закатила глаза, но на этот раз ее раздражение вызвал не я:

– О господи! Она такая заноза в заднице! Предки задолбали!

Я улыбнулся, она улыбнулась в ответ, и сердце у меня забилося неровно. Черт возьми! Она была классная, но до чего же не годилась мне в подружки, всерьез и надолго связавшись с другим!

Мы проработали над нашим проектом еще два часа. За это время она пять раз обменялась эсэмэсками с Кларком, а два раза ей позвонили. Мать являлась с проверкой каждые пятнадцать-двадцать минут. Наконец Мелоди проводила меня до двери и, пока я застегивал куртку, сказала, предварительно оглянувшись:

– Так, может... в следующий раз я к тебе зайду? – Ее голос стал тихим и мягким. Этот смелый замысел должен был остаться между нами. – И мама не будет нас дергать. Или твоя еще хуже? Но вообще-то, дальше, по-моему, уже некуда.

Я с усилием сглотнул и покачал головой:

– Нет. В смысле, да, конечно, приходи.

Получалось, я только что пригласил Мелоди Доувер к себе домой? Где у меня нет даже нормальной комнаты? Я что же, полный кретин? Да, да и да! Но отступить было поздно. И теперь я не мог отделаться от мысли, что Мелоди будет сидеть у меня в спальне, то есть на моей кровати, поскольку больше там сидеть было негде.

Долгожданным утром я вскочил с постели при первом писке телефонного будильника. Неожиданный ливень заставил меня ускорить и без того быстрый шаг, так что за десять минут до первого звонка я уже стоял у школы. Обычно учеников не пускали в здание раньше времени, но шел дождь, и, если бы нас заставили мокнуть за закрытыми дверями, это было бы совсем уж откровенным свинством со стороны школьной администрации.

Скрип моих подошв о линолеум гулко разносился по пустым коридорам, и я, даже не оборачиваясь, догадывался, что оставлял за собой дорожку мокрых следов. Мои собственные скрипучие шаги заглушали остальные звуки; вдобавок я был погружен в мысли о предстоящем уроке географии, и все это ослабило мой, вообще-то, довольно развитый инстинкт самосохранения.

– Окунулся в океан, Максфилд, или просто обоссался?

Я не остановился и не обернулся, но и не побежал. Хищные животные и жадные до власти никчемные люди всегда бросаются догонять убегающих.

Этот гад схватился за мой рюкзак. Я мог бы выскользнуть из лямки и рвануть вперед, но что-то помешало мне опуститься настолько низко. Я резко повернулся к нему лицом. Конечно же, с флангов его прикрывали два приятеля. Вымок он почти так же, как и я.

– Чего надо, Уинн?

Я произнес это спокойнее, чем на самом деле себя чувствовал. Сердце колотилось, но я не дрожал.

– Чего мне надо? – Бойс сделал шаг ко мне, по-прежнему держа лямку рюкзака. Жилы на шее набухли, а ноздри раздувались, как у быка, готового броситься на красную тряпку. – Мне нужно рассчитаться с тобой за тот маленький косяк в мастерской. Я заставляю тебя мотать кровавые сопли и визжать от боли, как тебе, сука, и полагается.

Не дожدهшься! Я сощурился:

– Может, ты мне ипустишь кровь, но визжать – это для бакланов вроде тебя, которые даже подраться не могут без своих шавок.

Я кивком указал на приятелей Уинна. Они ощерились. Один зарычал. В этот момент из-за угла показалась учительница. Она замедлила шаг, словно оценивая обстановку, прежде чем решить, что делать.

Уинн выпустил мою лямку и осклабился:

– Я смотрю за тобой, гаденыш. Не жди, что каждый раз кто-то нарисуетя, чтобы спасти твою шкуру.

Проходя мимо, он толкнул меня плечом.

Лукас

Я полез проверять почту, не ожидая увидеть ничего важного. В первую очередь я собирался удалить черновик письма к Джеки, поскольку она, как я думал, уже сама официально отказалась ходить на экономику. Оно действительно стало ненужным, но совсем по другой причине.

Среди десятка новых писем два сразу же привлекли мое внимание, как если бы их выделили красным цветом. Одно прислал Хеллер с пометкой «Жаклин Уоллес» в строке «Тема». Второе было... от самой «Ж. Уоллес».

Сначала я открыл письмо Хеллера:

Лэндон!

Эта студентка числится среди слушателей нашего с тобой курса. Она пропустила несколько занятий, включая, к сожалению, промежуточную аттестацию. Теперь хочет спасти положение. Чтобы закрыть пропуски, я разрешил ей выполнить небольшое исследование (см. прикрепленный файл) и дал твой электронный адрес. Она должна будет с тобой связаться. Знаю, что ты поборник справедливости, но погоди возмущаться: легко она не отделается, поскольку это задание потребует больше усилий, чем подготовка к контрольной, которую она пропустила. (У меня, кстати, тоже забот прибавилось, ведь работу придется проверять. А с этой Жаклин, видимо, приключилась та же беда, из-за которой так убивалась Карли. Я увидел, до чего довела себя моя собственная дочь, пока не пришла в норму, и теперь чуть снисходительнее отношусь к эмоционально неуравновешенным студенткам.)

Думаю, девушке потребуются твои индивидуальные консультации, чтобы к экзамену наверстать упущенное. Если она не выполнит моих требований, то в конце семестра просто получит, что заслужила. Пожалуйста, помоги ей, но действуй в пределах своих ассистентских обязанностей. Работу она должна написать сама. Надеюсь, теперь она поймет, что учеба важнее всяких там глупых мальчишек.

Ч.

Я перечитал письмо Хеллера. Дважды.

Они с Муром расстались, но экономику она не бросила.

Она больше не его девушка, но по-прежнему моя студентка.

Джеки чуть не упала, когда увидела меня за кассовым аппаратом в «Старбаксе», но при этом вполне может не знать, что парень, который в субботу ночью набил морду ее обидчику, работает ассистентом у доктора Хеллера. В моем электронном адресе значилось только «Л. Максфилд».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джеки – широко известное прозвище Жаклин Кеннеди, первой леди США с 1962 по 1963 г.

2

Дюпон-Серкл – дорожное кольцо в центре Вашингтона.

3

Миз (англ. Ms.) – обращение, которое ставится перед фамилией женщины, чье семейное положение неизвестно или не подчеркивается; вошло в употребление в 1970-е гг. по инициативе феминистского движения.

4

«Дзета-тау-альфа» – одно из крупнейших женских студенческих обществ в США. Основано в 1898 г. В настоящее время имеет более 160 отделений в различных колледжах.

5

Доктор философии – ученая степень, присваиваемая магистрам как гуманитарных, так и естественных наук. Считается приблизительным эквивалентом степени кандидата наук в Российской Федерации.

6

«Богема» («Rent») – рок-мюзикл Джонатана Ларсона, созданный по мотивам оперы Джакомо Пуччини.

7

«Синие воротнички» – наемные работники, занимающиеся преимущественно физическим трудом и противопоставляемые «белым воротничкам».

Розовый (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/vebber_tammara/prosto-vdvoem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)